Книжный складъ и магазинъ „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227-42.

Другіе труды автора.

К. Тахтаревъ.—Первобытное Общество. Съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Отд. Приложеніе къ журналу „Научное Обозрѣніе“. СПБ. 1903 г.

— Отъ представительства къ народовластію. Къ изученію новѣйшихъ стремленій политическаго развитія современнаго общества. СПБ. 1907 г.

— Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Москва 1907 г. 2-ое изданіе. Москва 1912 г.

— Главнѣйшія направленія въ развитіи соціологіи. Соціологическіе очерки, помѣщ. въ журналѣ „Совр. Міръ“ за 1910 г.

— Современное Государство (Рядъ очерковъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ „Итоговъ Науки“. Кн. XXXIV и XXXV). Москва 1915 г.

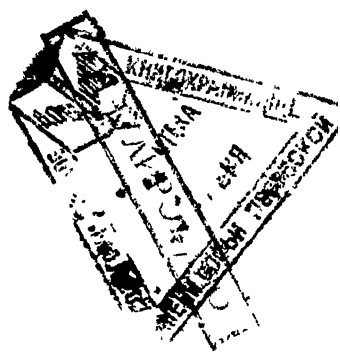
Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".
Петроградъ. Фонтанка, д. 38, кв. 19. — Телефонъ 227-42.

К. ТАХТАРЕВЪ.

СОЦІОЛОГІЯ

какъ наука о закономѣрности общественной жизни.

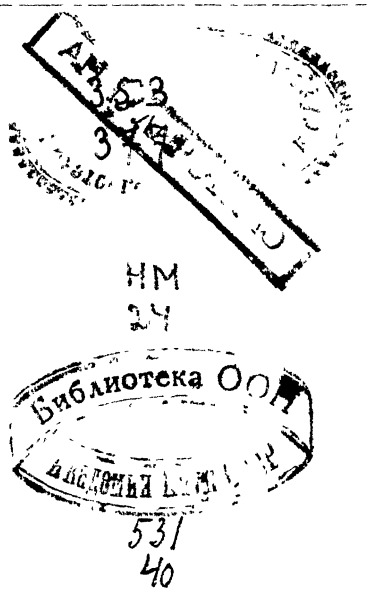
(Введеніе въ общій курсъ соціологіи, читанный слушательницамъ и слушателямъ Психо-Неврологическаго Института и Высшихъ Курсовъ П. Ф. Лесгафта).

НМ
24

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Научное Дѣло". Загородный пр., 74.
1916.

Петроградъ Дозволено военной цензурой. 20 апрѣля 1916 г. № 4143

Предлагаемая работа есть часть болѣе обширнаго труда, готовящагося къ печати. Трудъ этотъ представляетъ собой опытъ системы соціологіи, какъ науки о явленіяхъ общественной жизни и ея закономѣрности. Издаваемый 1-ый выпускъ составляетъ введеніе въ работу, которая легла въ основу систематическаго курса соціологіи, излагаемаго авторомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Закономѣрность. 3

II. Исторія понятій о закономѣрности общественной жизни. 21

III. Своеобразность явленій общественной жизни. Необходимость и возможность соціологіи. Ея предпосылки. 43

IV. Задачи и методы соціологіи. 61

Памяти

безвременно

друга.

Наука извѣстная подъ именемъ соціологіи еще не установлена. Общепринятой системы соціологіи не существуетъ. Соціологія многими понимается различно.

Одни понимаютъ соціологію какъ науку объ общественной жизни взятой въ цѣломъ, во всемъ многообразіи ея явленій. Нѣкоторые даже склонны смѣшивать соціологію со всей совокупностью общественныхъ наукъ. Отожествляютъ ее со всѣмъ обществовѣдѣніемъ; называютъ философіей обществознанія. Другіе опредѣляютъ соціологію какъ науку объ обществѣ и склонны ограничивать ея задачи изученіемъ функцій и структуры общественной организаціи. Наконецъ находятся и такіе, которые смѣшиваютъ соціологію съ одной изъ существующихъ общественныхъ и даже естественныхъ наукъ (исторіей, философіей исторіи, исторіей культуры, учрежденій, этикой, психологіей и даже біологіей).

До сихъ поръ соціологія существуетъ лишь въ видѣ самыхъ различныхъ соціологическихъ направленій (біологическаго, психологическаго, историческаго, идеалистическаго, матеріалистическаго), въ видѣ соціологіи статической и динамической, индуктивной и дедуктивной, чистой и прикладной. Въ изложеніи соціологіи, между различными представителями этой науки господствуетъ полнѣйшій произволъ. Подъ видомъ соціологіи иногда преподается нѣкоторая совокупность соціологическихъ соображеній, сложившихся въ головѣ того или другого „соціолога".

Несмотря на то, что въ настоящее время каѳедры соціологіи существуютъ почти во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки, нерѣдко подъ названіемъ общаго курса соціологіи излагается какой-нибудь частный вопросъ, вовсе даже не необходимый для систематическаго изложенія науки. Таковъ напр. вопросъ объ отношеніи соціологіи къ другимъ наукамъ, органическая теорія, и т. д. Другіе излагаютъ вмѣсто соціологіи что нибудь изъ области, такъ называемой, коллективной психологіи,

третьи что нибудь изъ исторіи учрежденій и т. д. Въ результатѣ, мы до сихъ поръ не только не имѣемъ хоть сколько нибудь общепринятой системы соціологіи, но даже и установленнаго опредѣленія этой науки.

Подобному положенію дѣла долженъ быть положенъ предѣлъ. Въ настоящее время накопилось уже немало соціологическихъ данныхъ, которыя даютъ возможность установить соціологію, какъ совершенно опредѣленную научную дисциплину и преподавать ее систематически. Чтобы это сдѣлать, необходимо раньше всего привести существующія научныя данныя и элементы науки въ должный порядокъ; необходимо установить такую систему науки, которая дѣйствительно могла бы получить всеобщее признаніе.

Такова научная задача, которая должна быть рѣшена раньше всѣхъ другихъ, для того, чтобы соціологія вышла наконецъ изъ состоянія туманности и стала вполнѣ опредѣленною и самостоятельною наукою о явленіяхъ общественной жизни и ея закономѣрности.

I.

Закономѣрность.

Вопросъ о закономѣрности явленій общественной жизни есть тотъ важнѣйшій вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ самое существованіе соціологіи, какъ науки.

Въ самомъ дѣлѣ, если закономѣрность явленій общественной жизни существуетъ, то конечно можетъ и необходимо должна существовать и соціологія, какъ наука о закономѣрности общественной жизни. Если-же закономѣрность явленій общественной жизни не существуетъ, то нечего думать и мечтать о соціологіи, какъ о наукѣ. Дѣло, однако, въ томъ, что на этотъ счетъ существуютъ самыя большія разногласія. Одни весьма склонны думать и утверждать, что закономѣрность явленій общественной жизни безспорно существуетъ. Другіе говорятъ, что явленія общественной жизни такъ сложны и такъ переплетены другъ съ другомъ, что, хотя закономѣрность общественной жизни, быть можетъ, и существуетъ, но выяснить и установить ее почти невозможно. Третьи не допускаютъ даже и мысли о ея существованіи, потому что закономѣрность общественной жизни противорѣчитъ ихъ представленіямъ о свободной волѣ человѣка и господствующей роли случая.

Въ настоящее время почти уже никто не сомнѣвается въ закономѣрности естественныхъ явленій неорганической и органической природы. Но почему-то самыя естественныя явленія одной части органической природы совершенно произвольно и самымъ непонятнымъ образомъ исключаются изъ общаго числа закономѣрныхъ естественныхъ явленій. Какъ-будто человѣкъ не есть часть природы. Впрочемъ, среди современныхъ представителей естествознанія находятся и такіе, которые, исходя изъ пониманія міровой жизни какъ вѣчнаго потока безконечныхъ измѣненій, склонны отрицать существованіе законовъ даже въ области естествознанія. Но подавляющее большинство ученыхъ признаетъ, что въ жизни природы все совершается закономѣрно,

что случай не имѣетъ мѣста и исключенія намъ только кажутся, а на самомъ дѣлѣ лишь подтверждаютъ установленную закономѣрность. Но многіе изъ числа думающихъ такимъ образомъ считаютъ, что въ жизни людей, наоборотъ, происходитъ все случайно, по личной прихоти и произволу человѣка, этого царя творенія. Смотря съ подобной субъективной точки зрѣнія, противопоставляютъ жизнь людей жизни всего міра. Противополагаютъ обществознаніе естествознанію, все равно какъ знаніе незнанію. Но развѣ основательно подобное противопоставленіе? Развѣ мы обладаемъ полнымъ знаніемъ всѣхъ естественныхъ явленій и развѣ въ то же время наши свѣдѣнія о человѣкѣ равны нулю? Вѣдь, въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. На самомъ дѣлѣ, мы обладаемъ далеко не полнымъ знаніемъ окружающей природы, а съ другой стороны, намъ понятны и ясны и нѣкоторыя явленія въ жизни человѣка.

Признавая закономѣрность различныхъ явленій, изучаемыхъ естественными науками, отрицаютъ закономѣрность явленій въ общественной жизни людей и при этомъ совершенно упускаютъ изъ виду и забываютъ о томъ, что самое понятіе закономѣрности явленій впервые возникло на почвѣ наблюденія и изученія явленій общественной жизни человѣка, впервые сложилось въ области обществовѣдѣнія и лишь впослѣдствіи было перенесено въ естествознаніе, которое очень долгое время обходилось безъ понятій о законахъ и закономѣрности естественныхъ явленій.

Дѣйствительно, наши понятія о законѣ и о закономѣрности ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ понятій о законахъ божескихъ и человѣческихъ. Эти понятія общи всѣмъ религіознымъ системамъ. Древне-греческіе гимны говорятъ намъ „объ Отцѣ насъ породившемъ, знающемъ законы и міры“. О божественныхъ законахъ, управляющихъ жизнью людей, говорятъ всѣ религіи. Главное соціальное значеніе религіи состоитъ въ томъ, чтобы божественнымъ авторитетомъ поддерживать узаконенныя нормы, общепризнанные обычаи, общеобязательныя правила поведенія людей. Другими словами, наши понятія о законѣ и закономѣрности ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ представленій объ обще-признаваемыхъ правилахъ поведенія, которыми упорядочивается общественная жизнь и обычныя отношенія между людьми. Лучшимъ примѣромъ подобнаго происхожденія закона можетъ служить пониманіе закона древними греками, общественная жизнь которыхъ достигла болѣе высокаго развитія, чѣмъ жизнь другихъ историческихъ народовъ древности.

Греческое слово νομος, т. е. законъ, обозначало первоначально *обычай*, обыкновеніе, т. е. говорило о повторяемости, обычности тѣхъ или иныхъ отношеній въ общественной жизни людей. Древнегреческое пониманіе закона должно невольно обратить на себя вниманіе тѣхъ, кто интересуется происхожденіемъ нашихъ понятій о законѣ и закономѣрности.

Въ древне-греческомъ пониманіи закона уже содержится то, что лежитъ въ основѣ новѣйшихъ нашихъ представленій о законѣ и закономѣрности. Въ этомъ отношеніи особенно характерно древне-греческое ученіе пиѳагорейцевъ. Пиѳагоръ и его послѣдователи считали, что все, что существуетъ въ мірѣ, можетъ быть выражено въ опредѣленныхъ числахъ. Пиѳагорейцы учили, что если существуетъ въ мірѣ дѣйствительно что-либо безусловное, такъ это именно—число. По понятіямъ пиѳагорейцевъ, всѣ существующія вещи суть вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленныя числовыя отношенія, и законъ чиселъ есть законъ всѣхъ міровыхъ законовъ. Наши новѣйшіе статистическіе способы изслѣдованія закономѣрности жизни населенія цѣликомъ основаны на законѣ чиселъ большихъ и даже малыхъ. Наши представленія о закономѣрности тѣхъ или другихъ явленій находятъ себѣ подтвержденіе въ ихъ постоянномъ закономѣрномъ повтореніи при опредѣленныхъ условіяхъ. Современное естествознаніе, подобно пиѳагорейству древности, смотритъ на всѣ явленія, какъ на опредѣленныя, постоянно повторяющіяся, числовыя соотношенія. Эмпедоклъ, по свидѣтельству Аристотеля, училъ, „что каждый предметъ существуетъ въ силу извѣстнаго соотношенія между его частями“, а самъ Аристотель, геніально выяснившій, что конституція всякаго политическаго общества опредѣляется соотношеніемъ его общественныхъ силъ и является выраженіемъ этого соотношенія, излагалъ свою „Политику, какъ науку о закономѣрномъ измѣненіи, повтореніи и смѣнѣ опредѣленныхъ политическихъ формъ“.

Естествознаніе, какъ должно быть извѣстно всѣмъ, долгое время обходилось безъ понятія о законѣ и закономѣрности. Оно удовлетворялось метафизическими ученіями о природѣ и сущности вещей. Понятіе „законъ“ было перенесено въ естествознаніе изъ обществовѣдѣнія, точнѣе, изъ области правовыхъ отношеній. Эти отношенія, какъ всѣмъ извѣстно, упорядочиваются или существующимъ обычаемъ, или особо для того издаваемымъ закономъ, который опять-таки въ большинствѣ случаевъ есть не что иное, какъ простая запись обычныхъ отношеній, господствующихъ въ той или другой области общественной жизни. Таковы отношенія

людей, возникающія на почвѣ обычныхъ, т. е. постоянно повторяющихся способовъ и образовъ жизни, различныхъ родовъ дѣятельности и формъ общенія, имѣющихъ цѣль удовлетворить необходимѣйшія потребности существованія. Таковы отношенія, возникающія на почвѣ не менѣе обычныхъ, т. е. не менѣе повторяющихся дѣйствій и формъ общенія людей въ области брачной и семейной жизни. Таковы-же отношенія людей и во всѣхъ другихъ областяхъ ихъ жизни, разъ только эти отношенія считаются общепризнанными, обычными и возводятся въ законъ. Считаются-же они обычными и возводятся въ законъ потому, что они повторяются въ данной области жизни людей такъ часто, что всѣ другія отношенія, возникающія въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ между людьми въ этой-же области, всѣмъ кажутся совершенно необычными и потому не должными. Должными отношеніями кажутся намъ лишь тѣ, которыя по нашему мнѣнію должны повторяться. Сказать точнѣе, должными отношеніями мы называемъ тѣ, которыя *постоянно повторяются* и потому пользуются всеобщимъ признаніемъ, какъ отношенія постоянно возникающія и долженствующія возникать при обычныхъ условіяхъ нашей жизни. Не-должными кажутся намъ тѣ, которыя возникаютъ при совершенно необычныхъ, случайныхъ обстоятельствахъ и потому не могутъ быть признаны обычными, т. е. долженствующими возникать. Вотъ истинный ключъ къ правильному пониманію происхожденія нашихъ понятій о должномъ и недолжномъ, законномъ и незаконномъ. *Должное*, т. е. постоянно повторяющееся, естественно представляется намъ, какъ *долженствующее повторяться*, и возводится нами *въ законъ*. Недолжное, случающееся лишь въ силу особенныхъ, случайныхъ условій нашей жизни, наоборотъ, разсматривается какъ исключеніе, объявляется не долженствующимъ, нарушеніемъ закона. Вотъ ключъ къ правильному пониманію законовъ и проступковъ.

Это пониманіе нисколько не противорѣчитъ пониманію закона, какъ извѣстнаго учредительнаго или законодательнаго акта, упорядочивающаго общественную жизнь людей. Истинною основою нашего представленія о подобномъ актѣ являются именно наши понятія о должномъ и не должномъ, т. е. объ отношеніяхъ, которыя должны повторяться, и объ отношеніяхъ, которыя не должны повторяться ни въ какомъ случаѣ. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ дѣло опять сводится къ повторяемости явленій и отношеній. Разница лишь въ томъ, что обычай говоритъ намъ объ упорядоченіи отношеній, повторяющихся издавна, а законъ о тѣхъ, которыя, мы ожидаемъ, будутъ повторяться. Сло-

вомъ, между сущностью обычая и сущностью закона никакого противорѣчія нѣтъ. Между ними существуетъ лишь то различіе, что первый говоритъ о должномъ настоящемъ, исходя изъ повторяющихся фактовъ въ прошломъ, а другой говоритъ о томъ-же должномъ, предвидя его повтореніе въ будущемъ.

Повторяемость явленій всегда объяснялась нами самою природой вещей, свойствомъ естества. Отсюда ведутъ свое начало одинаково, какъ древнее, такъ и новѣйшее естествознаніе и обществознаніе. Доказательствомъ можетъ служить блестящее опредѣленіе закона Монтескье, которое было взято имъ изъ области научнаго пониманія нѣкоторыхъ естественныхъ явленій и примѣнено къ опредѣленію отношеній, повторяющихся въ общественной жизни. Лишь впослѣдствіи это опредѣленіе Монтескье было вполнѣ усвоено естествознаніемъ и стало общепризнаннымъ для обозначенія закономѣрностей, наблюдаемыхъ среди явленій природы.

Свое знаменитое произведеніе—„Духъ законовъ“—Монтескье начинаетъ опредѣленіемъ понятія „законъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Онъ говоритъ: „Законы, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, суть *необходилыя отношенія*, которыя вытекаютъ изъ природы вещей“. Опредѣливъ законъ, какъ выраженіе отношенія, Монтескье считаетъ нужнымъ тутъ-же пояснить: „Въ этомъ смыслѣ всѣ существа имѣютъ свои законы: божество имѣетъ свои законы, міръ матеріи - свои, животныя слѣдуютъ своимъ законамъ, человѣкъ—своимъ“. Называя законы правилами, Монтескье считаетъ необходимымъ немедленно-же опредѣлить, что онъ подъ этимъ понимаетъ. „Правило“, говоритъ онъ, „есть отношеніе неизмѣнно установленное“. Монтескье поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ: „Между однимъ двигающимся тѣломъ и другимъ двигающимся тѣломъ, всѣ движенія возникаютъ, увеличиваются, уменьшаются, теряются согласно отношеніямъ массы и скорости: каждое различіе есть однообразность, каждое измѣненіе есть постоянство“. Въ данномъ случаѣ, Монтескье говоритъ о томъ физическомъ законѣ, по которому движеніе тѣлъ опредѣляется отношеніемъ ихъ массъ и скоростей. Любая разница въ движеніи различныхъ тѣлъ обусловливается различіемъ въ этихъ отношеніяхъ, которыя для всѣхъ тѣлъ одинаково однообразны. Каждое измѣненіе въ ихъ движеніи есть своего рода постоянство, потому что оно постоянно происходитъ въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ отношеніями скорости и массы. Въ данномъ случаѣ постоянство выражается именно въ этомъ соотвѣтствіи, которое одинаково повторяется во всѣхъ возможныхъ случаяхъ и не знаетъ исключеній, потому что отношенія массы и скорости суть необходимыя

отношенія, вытекающія изъ самой природы данныхъ тѣлъ; они обусловливаютъ движенія послѣднихъ съ силою неизмѣннаго закона.

„Человѣкъ", говоритъ Монтескье, „какъ существо естественное, какъ и другія тѣла, слѣдуетъ законамъ неизмѣннымъ". Въ этомъ отношеніи Монтескье не считалъ возможнымъ дѣлать какія либо исключенія для разумной воли личности. По пониманію Монтескье, разумное существо еще скорѣе, чѣмъ неразумное, должно слѣдовать естественнымъ законамъ, которымъ одинаково неизбѣжно подчиняется все въ мірѣ. Монтескье, очевидно, не предполагалъ, что послѣ него найдутся такіе представители науки, которые, на основаніи своего чисто субъективнаго пониманія человѣческаго разума, выведутъ какъ разъ обратное и объявятъ отношенія людей внѣ всѣхъ остальныхъ естественныхъ законовъ, потому только, что отношенія людей считаются разумными. Монтескье думалъ наоборотъ, что человѣкъ можетъ нарушать естественные законы своей жизни только благодаря непониманію ихъ или увлеченію страстями. Онъ говоритъ: „какъ существо чувствующее, человѣкъ подвергается дѣйствію тысячи страстей... Подобное существо могло бы каждое мгновеніе забыть самого себя: мыслители предупреждаютъ объ этомъ человѣка напоминаніемъ о нравственныхъ законахъ. Рожденный жить въ обществѣ, человѣкъ могъ-бы забыть другихъ: законодатели призываютъ его къ обязанностямъ посредствомъ законовъ государственныхъ и гражданскихъ".

Такимъ образомъ, по мысли Монтескье, моралисты должны стоять на стражѣ этическихъ законовъ, а законодатели должны исходить изъ пониманія закономѣрностей общественной жизни и охраненія ея законовъ. Монтескье думалъ, что человѣкъ можетъ нарушать естественные законы въ томъ случаѣ, если онъ ослѣпленъ какой-нибудь страстью до того, что неспособенъ руководиться естественнымъ соотношеніемъ своихъ человѣческихъ потребностей. Всѣ отношенія людей возникаютъ на почвѣ удовлетворенія ими своихъ жизненныхъ потребностей и всѣ нарушенія законовъ происходятъ на той-же самой почвѣ. Правда, существуетъ мнѣніе, что каждый человѣкъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, обладаетъ полной свободой воли, и потому отношенія между людьми случайны и не могутъ быть признаны закономѣрными. Но это мнѣніе исходитъ изъ совершенно неправильнаго представленія о свободѣ воли. Дѣло въ томъ, что если даже и допустить, что человѣкъ свободенъ дѣлать все, что пожелаетъ, то придется все-таки признать, что онъ не обладаетъ свободою желать или нежелать того или другого. Дѣло въ томъ, что жела-

ніе каждаго человѣка не произвольно, а обусловливается самымъ необходимымъ образомъ его потребностями. Онъ можетъ желать лишь того, къ чему чувствуетъ склонность, стремленіе, потребность. И обратно—не желать онъ можетъ лишь того, къ чему онъ не чувствуетъ склонности, или имѣетъ даже отвращеніе. Всѣ желанія человѣка, самымъ неразрывнымъ образомъ, связаны съ его потребностями. И потому, когда мы желаемъ опредѣлить силу, движущую человѣкомъ, и имѣемъ при этомъ въ виду его желанія, было-бы правильнѣе ихъ назвать не просто желаніями, а желаніями—потребностями.

Правда, психологія не дошла еще до научной классификаціи потребностей, лежащихъ въ основѣ всей волевой и сознательной дѣятельности человѣка. И, по всей вѣроятности, именно въ силу этого обстоятельства, многіе утверждаютъ, что сознательныя дѣйствія человѣка не подлежатъ никакимъ законамъ. Монтескье, какъ извѣстно, смотрѣлъ на сознательныя дѣйствія людей совсѣмъ иначе. Онъ исходилъ изъ извѣстнаго постоянства человѣческой природы. Онъ исходилъ изъ постоянства человѣческихъ потребностей и неизбѣжнаго стремленія людей удовлетворять ихъ наиболѣе обычнымъ образомъ. Въ различныхъ, но постоянныхъ формахъ удовлетворенія людьми своихъ потребностей Монтескье видѣлъ нѣкоторое постоянство. То-же постоянство видѣлъ онъ и въ отношеніяхъ людей, которыя обусловливаются обычными формами общенія людей, вытекаютъ какъ-бы изъ самой ихъ природы. Въ постоянной повторяемости этихъ отношеній онъ видѣлъ закономѣрность общественныхъ явленій. Онъ не дѣлалъ при этомъ исключеній для явленій общественной жизни, потому что общественная жизнь людей есть частица жизни міровой, а всѣ явленія послѣдней одинаково закономѣрны. Даже правила должнаго общественнаго поведенія людей Монтескье считалъ возможнымъ подводить подъ общія понятія естественныхъ законовъ.

Спрашивается, кто-же правъ: творецъ „Духа законовъ“, давшій первое объективное опредѣленіе закона, общее какъ для явленій общественной жизни, такъ и для всѣхъ прочихъ естественныхъ явленій, или правы тѣ представители субъективнаго индивидуализма, которые отрицаютъ существованіе въ общественной жизни какой-бы то ни было закономѣрности? Обратимся опять къ выясненію того, что слѣдуетъ вообще считать закономѣрностью и, что слѣдуетъ называть закономъ. Обратимся къ естествознанію, которое, хотя и получило понятіе закона отъ обществовѣдовъ, однако окончательно его установило и развило совершенно самостоятельно.

Начнемъ съ наиболѣе извѣстныхъ, основныхъ физическихъ законовъ. О чемъ говорятъ они? Что они собою выражаютъ?

Возьмемъ, напримѣръ, законъ ранѣе другихъ открытый Леонардо-да-Винчи и окончательно установленный Галлилеемъ. Этотъ физическій законъ инерціи, или косности матеріи, говоритъ объ извѣстной, постоянно проявляющейся, косности всѣхъ тѣлъ, которыя какъ-бы всегда стремятся сохранить данное свое положеніе. Находящіяся въ покоѣ, какъ-бы стремятся оставаться въ покоѣ вѣчно, а находящіяся въ движеніи, стремятся продолжать его до безконечности. Всякій понимаетъ, что этотъ законъ есть простой и неизбѣжный выводъ изъ наблюденій явленій, постоянно повторяющихся передъ нашими глазами. Говоря иными словами, сущность этого закона составляетъ постоянное повтореніе извѣстнаго явленія. О томъ-же говорятъ и законы движенія тѣлъ, понятые еще тѣмъ-же Леонардо-да-Винчи, но окончательно установленные Ньютономъ. Эти законы говорятъ о движеніяхъ тѣлъ, вызываемыхъ мгновенными или длительно дѣйствующими силами, постепенно ускоряющими начальное движеніе. Извѣстные Пизанскіе опыты Галлилея заключались въ повторномъ наблюденіи паденія различныхъ тѣлъ съ опредѣленной высоты. На основаніи подобныхъ повторныхъ опытовъ, т. е. на основаніи научнаго наблюденія правильно повторяющихся паденій различныхъ тѣлъ съ опредѣленной высоты, были открыты не только законы движенія, но и понято значеніе сопротивленія воздушной среды для скорости движенія тѣла, прорѣзывающаго эту воздушную среду своей массой при своемъ движеніи. Постепенно было понято, что масса тѣла и вѣсъ не одно и то-же. Было открыто особое значеніе центра массъ точекъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло, всѣ частицы котораго какъ-бы тяготѣютъ къ его центру. Открытіе этого явленія принадлежитъ, какъ извѣстно, Исаку Ньютону. На основаніи законовъ движенія тѣлъ на землѣ и сравнительнаго изученія правильно повторяющихся движеній небесныхъ тѣлъ, Ньютонъ вывелъ свой знаменитый законъ всемірнаго тяготѣнія. Согласно этому закону, всѣ тѣла, небесныя и земныя, притягиваются другъ къ другу вполнѣ опредѣленнымъ образомъ. По Ньютону, сила притяженія землею различныхъ тѣлъ обратно пропорціональна квадрату разстоянія ихъ центровъ инерціи отъ центра земли. Сообразно съ этимъ и планеты притягиваются между собой и солнцемъ такъ, какъ если-бы ихъ массы были сосредоточены въ ихъ центрахъ, прямо пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній центровъ. Этотъ законъ, выражающій собою постоянно повторяющіяся явле-

нія взаимнаго тяготѣнія всѣхъ частицъ міра, говоритъ болѣе чѣмъ о правильномъ повтореніи опредѣленнаго явленія. Этотъ законъ говоритъ объ опредѣленныхъ, правильныхъ соотношеніяхъ небесныхъ тѣлъ, объ ихъ взаимномъ притяженіи, обусловленномъ опредѣленными отношеніями ихъ массъ и разстояній. Но, какъ это ясно само собой, законъ этотъ приложимъ не только къ всевозможнымъ небеснымъ тѣламъ, но и вообще ко всѣмъ тѣламъ, движущимся въ пространствѣ. Законы движенія всей солнечной системы и какой-нибудь пылинки одни и тѣ-же. Они не знаютъ исключеній, какъ и всѣ другіе законы правильно повторяющихся явленій, обусловленныхъ опредѣленными необходимыми соотношеніями.

Основной физическій законъ о сохраненіи энергіи, во всѣхъ случаяхъ ея разнообразныхъ превращеній, подобно основному химическому закону Лавуазье о вѣчности вещества, былъ установленъ Гельмгольцемъ на основаніи наблюденій всевозможныхъ случаевъ перехода одного вида энергіи въ другую (кинетическую, тепловую, электрическую, химическую и пр.).

Въ новѣйшее время Атфатеръ своими замѣчательными изслѣдованіями показалъ справедливость этого закона сохраненія энергіи и въ жизни и дѣятельности человѣческаго организма.

Основной химическій законъ о вѣчности вещества былъ установленъ на основаніи повторныхъ опытовъ Лавуазье. При всѣхъ своихъ опытахъ Лавуазье неизмѣнно видѣлъ одно и то-же постоянно повторяющееся явленіе: количество каждаго элемента, участвующаго въ любомъ химическомъ превращеніи, оставалось постояннымъ въ теченіе всего процесса. А въ совокупности веществъ, образующихся при реакціи, каждаго элемента находятъ ровно столько, сколько заключалось въ веществахъ исходныхъ. Это правило, не знающее исключеній, носитъ названіе закона сохраненія элементовъ. Всякому ясно, что этотъ законъ Лавуазье въ дѣйствительности есть не что иное какъ констатированіе одного и того-же явленія, постоянно повторяющагося во всѣхъ случаяхъ превращенія вещества при данныхъ условіяхъ.

Подобный-же характеръ имѣетъ и химическій законъ Пру о постоянствѣ вѣсовыхъ отношеній. Законъ Пру говоритъ: каждое опредѣленное химическое соединеніе состоитъ всегда изъ однихъ и тѣхъ-же элементовъ въ постоянныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. То-же самое можно сказать и о законѣ Дальтона: когда два элемента А и В соединяются между собою въ нѣсколькихъ различныхъ пропорціяхъ, то число такихъ соединеній является строго опредѣленнымъ; при этомъ вѣсовыя количества элемента В, при-

ходящіяся на одно и то-же количество элемента А, въ отдѣльныхъ соединеніяхъ относятся между собою, какъ простыя цѣлыя числа.

Подобные физическіе и химическіе законы, число примѣровъ которыхъ можно умножить, по желанію, до болѣе чѣмъ убѣдительнаго количества, показываютъ очень хорошо, что въ основѣ каждаго изъ нихъ лежитъ наблюденіе какого-нибудь одного или нѣсколькихъ неизмѣнныхъ явленій, правильно повторяющихся при извѣстныхъ условіяхъ.

Если дѣло идетъ о неизмѣнномъ и постоянномъ повтореніи одного какого-либо явленія, то мы имѣемъ простѣйшую форму закономѣрности. Законъ, въ который она формулируется, часто ничего другого въ себѣ и не содержитъ кромѣ констатированія неизбѣжнаго повторенія установленнаго факта, постояннаго проявленія извѣстныхъ свойствъ естества. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о постоянномъ повтореніи опредѣленнаго соотношенія явленій, дѣло обстоитъ нѣсколько сложнѣе. Въ данномъ случаѣ закономѣрность заключается въ постоянствѣ опредѣленныхъ соотношеній явленій, которыя и выражаются въ соотвѣтствующихъ законахъ. Таковы законы Ньютона о взаимномъ притяженіи небесныхъ тѣлъ пропорціонально ихъ массамъ и обратно пропорціонально квадрату ихъ разстояній. Таковъ-же и законъ Кулона, выражающій отношенія наэлектризованныхъ шаровъ: электрическіе полюсы притягиваются или отталкиваются между собой съ силой, пропорціональной ихъ зарядамъ и обратно пропорціональной квадрату ихъ разстояній. Законъ Ома: сила гальваническаго тока пропорціональна электровозбудительной силѣ и обратно пропорціональна суммѣ сопротивленій. Опредѣленныя соотношенія явленій выражаютъ и химическіе законы Бойля и Гей-Люссака, говорящіе: объемъ газа обратно пропорціоналенъ давленію и прямо пропорціоналенъ абсолютной температурѣ. Аналогичное значеніе имѣетъ и знаменитый законъ Менделѣева о періодической повторяемости свойствъ химическихъ элементовъ въ порядкѣ возростанія ихъ атомныхъ вѣсовъ.

Итакъ, какой-бы физическій или химическій законъ мы не взяли, мы видимъ, что онъ говоритъ объ опредѣленныхъ постоянно повторяющихся явленіяхъ или объ опредѣленныхъ постоянно повторяющихся отношеніяхъ явленій другъ къ другу.

Во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній, здѣсь слѣдуетъ сказать два слова о надлежащемъ пониманіи повторяемости естественныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что не слѣдуетъ понимать явленіе повторяемости въ слишкомъ безусловномъ смыслѣ слова. Повторяемость явленія вовсе не исключаетъ его измѣняемости.

Такъ, напримѣръ, мы видимъ явное явленіе повторяемости въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Такъ звѣзды и планеты въ своемъ эллиптическомъ движеніи постоянно стремятся описать элипсисъ вращенія вокругъ центральнаго свѣтила. Древніе даже думали, что онѣ описываютъ совершенный кругъ. Въ дѣйствительности, дѣло далеко не обстоитъ такъ просто. Дѣло въ томъ, что само центральное свѣтило, вокругъ котораго вращаются другія небесныя тѣла, не неподвижно. Оно въ свою очередь несется въ безконечномъ пространствѣ въ опредѣленномъ направленіи, увлекая за собой всѣ вращающіяся вокругъ него небесныя тѣла, которыя такимъ образомъ никогда не имѣютъ возможности замкнуть описываемую ими кривую и принуждены вмѣсто элипсиса описывать безконечную спираль, занимая все новыя и новыя мѣста въ пространствѣ. Такимъ образомъ, въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ мы видимъ повторяемость далеко не безусловную. Въ своихъ безконечно повторяющихся движеніяхъ, небесныя тѣла никогда не приходятъ къ исходнымъ пунктамъ. Изъ безконечности они несутся въ безконечность. И каждая новая фаза ихъ движенія, собственно говоря, есть дальнѣйшее развитіе того-же самаго движенія, незнающаго повторенія въ безусловномъ смыслѣ слова.

То-же самое слѣдуетъ сказать и о необходимыхъ соотношеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Они тоже не неизмѣнны; но измѣненіе ихъ соотношеній тоже совершается въ опредѣленномъ направленіи и вполнѣ закономѣрно. Мы видимъ повторяемость движеній небесныхъ тѣлъ лишь какъ-бы въ идеальныхъ стремленіяхъ ихъ движеній. Это есть повторяемость лишь въ общей формѣ. Въ частности, каждое явленіе, каждый отдѣленный моментъ движенія есть нѣчто совершенно новое, особое, вполнѣ индивидуальное. Но это индивидуальное явленіе не единично; мы наблюдаемъ множество другихъ ему подобныхъ, представляющихъ собою какъ-бы повтореніе его въ совершенно опредѣленныхъ формахъ. Вотъ эти-то повторяющіяся формы и позволяютъ намъ говорить о повтореніи явленій, несмотря на то, что, въ строгомъ смыслѣ слова, отдѣльныя явленія никогда не повторяются.

Объ условной повторяемости явленій, какъ и о повторяемости необходимыхъ ихъ соотношеній, говорятъ и другія науки о неорганической природѣ.

Съ извѣстной точки зрѣнія, каждую науку можно разсматривать какъ науку о повторяющихся явленіяхъ и необходимыхъ ихъ соотношеніяхъ. Такъ кристаллографія можетъ служить примѣромъ науки о постоянно повторяющихся кристаллическихъ формахъ и структурахъ, которыя опредѣляются не только извѣстнымъ

постоянно повторяющимся соотношеніемъ граней кристалловъ, но и опредѣленнымъ соотношеніемъ направленій ихъ осей и пр.

О подобныхъ-же повторяющихся явленіяхъ и соотношеніяхъ говорятъ и всѣ біологическія науки. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ другомъ говорятъ систематики растеній и животныхъ? О томъ-же говоритъ и физіологія, составляющая самую основу біологіи. Въ ея основѣ, какъ и въ основѣ всѣхъ другихъ наукъ, лежитъ установленіе извѣстнаго порядка явленій, разсматриваемыхъ со стороны ихъ повтореній и ихъ повторяющихся соотношеній. „Біологія", совершенно справедливо замѣчаетъ французскій соціологъ Тардъ, „создалась, когда клѣточная теорія доказала, что у животныхъ, какъ и у растеній, безконечно повторяющійся элементъ есть клѣточка,—сначала сѣмяпочка, а потомъ и всѣ другія отъ нея происходящія—и что первичное явленіе жизни есть безконечное повтореніе каждой клѣткой, тѣхъ видовъ питанія и дѣятельности, роста и размноженія, которые наслѣдовала она по традиціи и которые она передаетъ своему потомству. Эволюція различныхъ видовъ животныхъ и растеній прекрасно показываетъ, что повторяемость явленій въ области органической природы далеко не безусловна. При безусловной повторяемости формъ измѣненіе видовъ было-бы совершенно невозможно. На самомъ дѣлѣ оно происходитъ постоянно. Такимъ образомъ оказывается, что и въ данной области можно говорить о повторяемости явленій лишь въ общемъ и весьма условномъ смыслѣ слова, ибо каждое кажущееся намъ новое повтореніе явленія есть въ сущности совершенно особое и новое явленіе, которое можетъ считаться повторяющимся лишь за вычетомъ измѣняющихъ его условій. Но дѣлая этотъ учетъ, мы получаемъ полное право говорить о повторяемости явленій и въ области органической природы.

Повторяемость въ области органической природы указываетъ на закономѣрность явленій въ мірѣ животныхъ и растеній не въ меньшей степени, чѣмъ въ мірѣ неорганической природы. Повторяемость есть явленіе, которое господствуетъ надъ жизнью особи, съ самаго ея появленія и вплоть до самой смерти. Извѣстный біо-генетическій законъ Геккеля говоритъ объ этомъ весьма краснорѣчиво: онтогенія повторяетъ филогенію, или, говоря проще, развитіе особи повторяетъ собою развитіе вида. Съ другой стороны, біологическій законъ установленный Гертвигомъ говоритъ о постоянномъ для каждаго вида отношеніи, существующемъ между количествомъ плазмы и размѣромъ ядра въ клѣткѣ. А законъ физіологическаго раздѣленія труда свидѣтельствуетъ объ опредѣленныхъ соотношеніяхъ различныхъ клѣточекъ

и цѣлыхъ группъ клѣточекъ любого многоклѣточнаго животнаго и говоритъ о существованіи между ними извѣстной связи и взаимной зависимости. Законъ физіологическаго раздѣленія труда говоритъ вполнѣ опредѣленно объ ихъ соотношеніяхъ: чѣмъ больше раздѣленъ трудъ между клѣточками, тѣмъ менѣе самостоятельна каждая изъ нихъ и тѣмъ болѣе ея зависимость отъ всего организма, т.-е. отъ всей совокупности клѣточекъ, входящихъ въ его составъ. Короче говоря, самостоятельность клѣточныхъ элементовъ обратно-пропорціональна степени раздѣленія труда между ними.

Физіологическій трудъ клѣточекъ и опредѣленная работа отдѣльныхъ органовъ имѣетъ огромное значеніе для каждаго существа. Это было прекрасно понято еще Ламаркомъ, который установилъ свои знаменитые біологическіе законы развитія органовъ животныхъ и видообразованія. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ цѣлый рядъ вполнѣ опредѣленныхъ и необходимыхъ соотношеній. Таковы: соотношеніе между развитіемъ потребностей любого организма и окружающей средой, т.-е. средствами и условіями удовлетворенія потребностей съ помощью различныхъ органовъ. Соотношеніе между привычкой и потребностью. Соотношеніе между измѣненіемъ потребностей и привычекъ, и привычной дѣятельностью отдѣльныхъ органовъ, увеличеніемъ или уменьшеніемъ ихъ работы.

Первый законъ, установленный Ламаркомъ, говоритъ: „продолжительное, повторное употребленіе всякаго органа, какого-бы то ни было животнаго, не достигшаго предѣла своего развитія, развиваетъ этотъ органъ, усиливаетъ его питаніе, увеличиваетъ его объемъ и силу, пропорціонально продолжительности его употребленія; неупотребленіе приводитъ къ обратнымъ послѣдствіямъ. Въ силу опредѣленнаго соотношенія, существующаго между нервной и кровеносной системами каждаго животнаго, неупотребленіе органа ослабляетъ его питаніе, приводитъ въ упадокъ, постепенно уменьшаетъ его способности и наконецъ ведетъ его къ исчезновенію. Однимъ словомъ, первый законъ Ламарка говоритъ объ опредѣленномъ соотношеніи между функціей и структурой организма. Второй законъ Ламарка говоритъ объ образованіи различныхъ видовъ животныхъ, благодаря различному употребленію ими своихъ органовъ и измѣненію унаслѣдованныхъ ими привычекъ. Дарвинъ подтвердилъ опредѣленное соотношеніе, существующее между измѣненіемъ различныхъ видовъ животныхъ и условіями ихъ существованія и размноженія, и установилъ свой знаменитый біологическій законъ постоянно повторяющейся борьбы за существованіе.

Явленіе постоянной повторяемости и необходимое соотношеніе различныхъ элементовъ лежитъ въ основѣ и всѣхъ другихъ біологическихъ законовъ, касающихся какъ животныхъ такъ и растеній. То-же самое можно сказать и относительно тѣхъ немногихъ законовъ, которые удалось установить въ области психологіи, служащей настоящимъ переходнымъ мостомъ между біологіей и соціологіей.

Психологія понимается въ настоящее время какъ наука, изучающая закономѣрности психической жизни. Подобно перечисленнымъ естественнымъ наукамъ, психологія изучаетъ подлежащія ея вѣдѣнію явленія, наблюдая ихъ постоянную повторяемость и опредѣленныя соотношенія.

Постоянная и закономѣрная повторяемость опредѣленныхъ ощущеній, чувствъ, побужденій, стремленій, волеизволеній, аффектовъ, эмоцій, мыслей, представленій, умозаключеній и другихъ психическихъ явленій въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка есть такое-же обычное явленіе, какъ и повторяемость всѣхъ другихъ естественныхъ явленій.

Основываясь на данныхъ предшествующихъ наукъ (главнымъ образомъ на данныхъ физіологіи), психологія естественно касается раньше всего тѣхъ закономѣрностей психической жизни, которыя вытекаютъ изъ постоянной и неразрывной связи между состояніями организма, въ особенности мозга, и состояніями психики. Устанавливая, какъ свой основной законъ, опредѣленное соотношеніе между психической и физическою жизнью человѣка, психологія, пользуясь данными физіологіи и психопатологіи, отмѣчаетъ ту постоянную зависимость, которая существуетъ между физіологическими и патологическими измѣненіями нервной системы и измѣненіями психики. Она устанавливаетъ опредѣленное соотношеніе между извѣстнымъ возрастомъ и соотвѣтствующими формами психической жизни. Она устанавливаетъ прямую зависимость между опредѣленнымъ характеромъ психической жизни и поломъ. Психологія устанавливаетъ также и тѣ соотношенія, которыя существуютъ между потребностями и желаніями человѣка.

Мощное развитіе психологіи за послѣднее время, естественно, оказало вліяніе и на развитіе соціологіи, отдѣльные, особо увлекшіеся представители которой стали строить соціологическую науку непосредственно и почти исключительно на психологическихъ основахъ.

Ища основу для закономѣрности общественной жизни людей въ закономѣрностяхъ психической жизни личности, соціологи, чрезмѣрно увлекшіеся психологіей, строятъ свои особыя психоло-

логическія, эмоціональныя и идеалистическія психологіи и при этомъ они, повидимому, совершенно забываютъ о томъ, что у соціологіи имѣются свои собственныя чисто соціологическія основы, на которыхъ она только и можетъ быть правильно построена. Въ данномъ случаѣ явно повторяется ошибка соціологовъ органическаго направленія, въ свою очередь слишкомъ сильно увлекавшихся небывалымъ развитіемъ біологіи и отдѣльныхъ естественныхъ наукъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Временное увлеченіе соціологовъ біологіей довело даже такіе умы, какъ Огюстъ Контъ и Гербертъ Спенсеръ, до отожествленія общественной жизни людей съ органической жизнью клѣтокъ, до отожествленія общества съ многоклѣточнымъ организмомъ, общественнаго порядка съ іерархическою лѣстницей животныхъ, общественной организаціи съ системой физіологическаго раздѣленія труда и проч.

Современное увлеченіе психологіей, какъ показываетъ опытъ, ведетъ къ подобнымъ-же заблужденіямъ и ошибкамъ. Увлеченіе психологіей привело уже цѣлый рядъ соціологовъ къ отожествленію общественной жизни людей съ психическою жизнью индивида, къ отожествленію общественныхъ силъ съ психическими силами личности. Это увлеченіе довело такого тонкаго и блестящаго мыслителя, какъ Габріэль Тардъ, до отожествленія общественной жизни съ извѣстнымъ состояніемъ мозга.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что между всѣми науками и областями знанія существуетъ опредѣленная связь и необходимое соотношеніе и, какъ-бы разнообразны формы знанія не были, оно въ сущности едино. А разъ только наше знаніе едино и всѣ его области неразрывно связаны между собой, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что сильное развитіе одной изъ нихъ неизбѣжно оказываетъ свое вліяніе на развитіе другихъ. Однако это не можетъ вести къ поглощенію одною областью знанія другой. При правильной постановкѣ научной работы развитіе каждой науки должно помогать, а не вредить развитію сосѣднихъ дисциплинъ. Иначе и быть не можетъ, разъ знаніе едино и всѣ его области находятся въ должномъ и необходимомъ соотношеніи другъ къ другу. Изученіе закономѣрностей явленій психической жизни человѣка можетъ и должно только облегчать изученіе закономѣрностей общественной жизни. Но изученіе послѣднихъ есть совершенно особая задача, есть область особой самостоятельной науки, построенной на своихъ собственныхъ (только ей одной свойственныхъ) основахъ.

Внимательное изученіе психологіи показываетъ, что она,

Библиотека ООН

подобно естественнымъ наукамъ, изучаетъ закономѣрности явленій психической жизни съ точки зрѣнія ихъ повторяемости и необходимаго соотношенія. Если это такъ, то психологія лишній разъ подтверждаетъ данное опредѣленіе закона (какъ выраженія правильной повторяемости и необходимаго соотношенія явленій).

Правильное повтореніе и необходимое соотношеніе явленій входитъ въ основу нашего пониманія закона во всѣхъ перечисленныхъ областяхъ знанія. Такимъ образомъ, это пониманіе и опредѣленіе закона можно было-бы считать вполнѣ установленнымъ и всеобщимъ, въ особенности, если-бы, слѣдуя пиѳагорейцамъ и Монтескье, удалось доказать, что это опредѣленіе, возникшее впервые въ области пониманія закономѣрности явленій общественной жизни, приложимо къ изученію послѣднихъ не въ меньшей степени, чѣмъ къ закономѣрности всѣхъ прочихъ естественныхъ явленій. Однако, раньше, чѣмъ перейти къ выясненію закономѣрности явленій общественной жизни, необходимо сдѣлать одно весьма существенное дополненіе къ устанавливаемому нами опредѣленію закона для надлежащаго правильнаго его пониманія.

Дѣло въ томъ, что, какъ уже было отмѣчено выше, научное опредѣленіе закона, какъ выраженія правильной повторяемости или необходимаго соотношенія явленій, не слѣдуетъ понимать въ слишкомъ безусловной формѣ.

Въ изучаемомъ нами мірѣ всевозможныхъ наблюдаемыхъ явленій все условно. Все относительно, какъ наше знаніе, которое является лишь извѣстнымъ умственнымъ отраженіемъ жизни видимаго міра. Сообразно съ этимъ, относительно, конечно, и наше пониманіе постоянной повторяемости и необходимаго соотношенія явленій. А слѣдовательно относительно должно быть и наше пониманіе закона.

Дѣйствительно, пониманіе закона даже въ средѣ представителей точныхъ наукъ далеко не одинаково и служитъ причиной различныхъ недоразумѣній и разногласій. Одни придаютъ этому понятію слишкомъ безусловное значеніе, другіе — болѣе, чѣмъ относительное. Одни, наблюдая извѣстную повторяемость явленій и ихъ соотношеній, доходятъ до безысходной и безплодной теоріи круговоротовъ. Другіе, изслѣдуя извѣстную измѣнчивость и неустойчивость даже въ правильной повторяемости и почти неизмѣнномъ соотношеніи явленій, склонны вовсе отрицать существованіе какихъ-бы то не было законовъ міровой жизни.

Это коренное различіе во взглядахъ на закономѣрность наблюдаемыхъ явленій проявилось въ развитіи научнаго мышленія очень рано, еще при самомъ зарожденіи научно-философскаго

понятія о закономѣрности Какъ теорія круговоротовъ, такъ и теорія безконечныхъ измѣненій вѣчнаго потока міровой жизни были извѣстны еще глубокой древности. Въ самой колыбели нашего знанія, въ древне-греческой философіи, мы имѣемъ съ одной стороны ученіе Гераклита, а съ другой—Эмпедокла и Анаксагора, пиѳагорейцевъ и Платона. Намъ извѣстно и отрицательное, скептически-революціонное направленіе древне-греческой мысли въ лицѣ софистовъ, блестяще доказывавшихъ относительность всякаго человѣческаго знанія. Знаемъ мы и положительный, всеобъемлющій научный синтезъ Аристотеля, заложившаго настоящія основы всѣхъ главнѣйшихъ областей нашего знанія.

На основаніи того, что все, что существуетъ въ мірѣ, постоянно измѣняется, древне-греческіе софисты одинаково легко доказывали, что въ мірѣ все существуетъ и не существуетъ въ въ одно и то-же время. „Все течетъ, все измѣняется“, говорили философы древней Греціи. На этомъ основаніи нѣкоторые изъ нихъ доказывали, что одному и тому-же человѣку невозможно дважды выкупаться въ одной и той-же рѣчной водѣ, потому что рѣка течетъ и на мѣсто одной воды все время притекаетъ другая. Но съ этой точки зрѣнія съ неменьшимъ основаніемъ можно сказать, что одному и тому-же человѣку невозможно выкупаться дважды въ одной и той-же ваннѣ. Потому что постоянный обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ человѣка непрестанно обновляетъ и измѣняетъ его и каждый новый разъ въ одну и ту-же ванну будетъ входить далеко не безусловно тотъ-же самый человѣкъ. А съ другой стороны, въ жизни каждаго человѣка мы видимъ безспорное повтореніе тѣхъ-же самыхъ явленій, которыя переживаютъ и другіе люди. Каждый человѣкъ рождается, ростетъ, проходитъ одинаковые возрасты, молодость, зрѣлость, старость, болѣетъ, выздоравливаетъ, умираетъ и подобно всѣмъ другимъ людямъ удовлетворяетъ свои потребности, повторяя нерѣдко ихъ ошибки.

То-же самое различіе во взглядахъ наблюдается и при выясненіи исторической жизни народовъ. Въ то время, какъ одни утверждаютъ, что въ исторіи ничто и никогда не повторяется, другіе ясно видятъ постоянное повтореніе различныхъ общественныхъ формъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ, повторяющихъ въ своемъ общественномъ развитіи соотвѣтствующія ступени соціальной эволюціи. Отдѣльныя историческія событія, подобно различнымъ событіямъ жизни каждой отдѣльной личности, конечно почти никогда не повторяются, какъ не повторяются въ безусловномъ смыслѣ слова никакія отдѣльныя явленія въ постоянно измѣняющемся потокѣ міровыхъ явленій. Каждый новый

восходъ и заходъ солнца, какъ новый моментъ движенія небеснаго свѣтила, есть до извѣстной степени новое явленіе, какъ каждая новая гроза и буря. Съ этой точки зрѣнія каждое вновь повторяющееся физическое и химическое явленіе, которое никогда не можетъ повториться при безусловно тожественныхъ условіяхъ, есть до извѣстной степени новое явленіе.

Однако разница въ условіяхъ можетъ быть такъ безконечно незначительна, явленія могутъ проявляться въ такихъ поразительно схожихъ, совсѣмъ тожественныхъ формахъ, что, говоря о повтореніи явленій въ данной области, мы совершаемъ безконечно малую ошибку. То-же самое можно сказать и о явленіяхъ общественной жизни. Все дѣло въ томъ, чтобы правильно понимать явленія и ни на минуту не забывать относительности нашего знанія вообще и относительности нашего понятія о закономѣрности въ частности.

Обычное понятіе закона выяснено. Посмотримъ: приложимо ли оно къ пониманію явленій общественной жизни? Обратимся къ вопросу о ея закономѣрности. При этомъ будемъ помнить, что отъ того или другого рѣшенія этого вопроса цѣликомъ зависитъ „быть или не быть“ соціологіи.

II.

Исторія понятій о закономѣрности общественной жизни

Представленіе о закономѣрности общественной жизни появляется у человѣка очень рано. Какъ было сказано, оно возникаетъ вмѣстѣ съ появленіемъ религіи и понятій о законахъ Божескихъ и человѣческихъ.

Законъ человѣческій, установившійся обычай и традиція объявляются въ священныхъ книгахъ закономъ Бога, именемъ котораго законодатели пытаются слѣпо подчинить себѣ волю своихъ соплеменниковъ и согражданъ, чтобы закономѣрная жизнь людей не нарушалась злою волею отдѣльныхъ лицъ.

Не менѣе рано возникаютъ и понятія о рокѣ и судьбѣ, которыя предопредѣляютъ не только жизнь людей, но даже господствуютъ и надъ самими богами.

Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ философіи, антропоморфическое представленіе о Богѣ измѣняется въ представленіе о міроустрояющемъ Разумѣ и Предопредѣленіи, а детерминистическія понятія о судьбѣ и рокѣ развиваются въ понятіе о законѣ необходимости.

Въ предшествующей главѣ уже упоминалось о древне-греческомъ ученіи пиѳагорейцевъ, въ которомъ слѣдуетъ искать начало нашихъ собственныхъ научныхъ понятій о закономѣрности явленій. Верховный законъ чиселъ и господствующихъ числовыхъ соотношеній былъ установленъ пиѳагорейцами для болѣе глубокаго и правильнаго пониманія всѣхъ существующихъ вещей и всѣхъ происходящихъ міровыхъ явленій.

Въ новѣйшее время этотъ законъ чиселъ и числовыхъ соотношеній легъ въ основу всѣхъ точныхъ наукъ. А въ области обществовѣдѣнія на этомъ законѣ чиселъ обосновалась даже особая научная дисциплина, получившая названіе статистики.

Но пиѳагорейцы установили только общую идею закономѣрности. Кромѣ идеи отвлеченнаго и всеобъемлющаго закона чиселъ они не дали зарождавшейся наукѣ ничего. Зато древне-грече-

скіе матеріалисты дали цѣлую систему научнаго міросозерцанія, исходя изъ понятій о безконечно малыхъ величинахъ, атомахъ, всевозможными своими сочетаніями образующихъ самыя различныя тѣла. Атомисты создали настоящую научную космогонію, только слабымъ подражаніемъ которой можетъ быть названа новѣйшая научная фантазія Фламмаріона. Римская научная поэма Лукреція Кара—„О природѣ вещей"—безспорно далеко превосходитъ все, что ни писалось потомъ въ томъ-же духѣ вплоть до нашихъ дней. Впрочемъ и древніе матеріалисты говорили о закономѣрности явленій общественной жизни лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ.

Трудно сказать, кого слѣдуетъ считать первымъ ученымъ и мыслителемъ, который пытался выяснить и установить закономѣрность явленій общественной жизни. Но мы хорошо знаемъ, что Аристотель не только стремился выяснить закономѣрность соціальныхъ явленій, пользуясь вполнѣ научными пріемами изслѣдованія, но и установилъ рядъ самыхъ основныхъ и правильныхъ понятій въ этой области.

Извѣстно, что Аристотель первый установилъ понятіе о человѣкѣ какъ о политическомъ животномъ, или существѣ общественномъ. Аристотель видѣлъ въ государствѣ сложную и самодостаточную форму политическаго общенія людей, наиболѣе широкую форму общенія, которая обнимаетъ собой всѣ другія формы общенія согражданъ съ цѣлью удовлетворенія различныхъ потребностей. На основаніи болѣе ста пятидесяти изслѣдованій исторіи политическаго развитія самыхъ разнообразныхъ, извѣстныхъ ему государствъ того времени, Аристотель написалъ свою Политику, которая въ сущности есть не что иное какъ заключеніе и сводка научныхъ выводовъ изъ упомянутыхъ изслѣдованій. Въ своей Политикѣ Аристотель устанавливаетъ опредѣленное соотношеніе, какое существуетъ между образомъ жизни народа и его общественнымъ устройствомъ, между существующимъ соотношеніемъ различныхъ общественныхъ классовъ и соотвѣтственною формой политическаго строя, между опредѣленною формой классового господства и соотвѣтственной политической системой и формой властвованія. Аристотель устанавливаетъ повторяемость этихъ отношеній при изслѣдованіи самыхъ различныхъ общественныхъ формъ. Для этого онъ пользуется вполнѣ научными пріемами и методами: индуктивнымъ, аналитическимъ и сравнительно-историческимъ.

Аристотель смотрѣлъ на различныя общественныя группы, классы и сословія, какъ на общественныя силы, опредѣляющія

своимъ дѣйствительнымъ соотнòшеніемъ конституцію страны. Онъ указываетъ на тѣсную зависимость, существующую между господствомъ землевладѣльческой знати въ странѣ, господствомъ конницы въ войскѣ и олигархіи во властвованіи. Аристотель даетъ геніальное по глубинѣ и ясности опредѣленіе конституціи. Конституція, говоритъ онъ, есть извѣстная форма организаціи властей или должностей, которыя граждане распредѣляютъ между собой сообразно силѣ участвующихъ во властвованіи. Аристотель опредѣляетъ аристократическую и плутократическую республику, какъ господство общественной группы или класса знатныхъ и богатыхъ, землевладѣльцевъ и капиталовладѣльцевъ. Онъ опредѣляетъ демократію, какъ политическое господство наиболѣе многочисленнаго и бѣднаго слоя людей, живущихъ преимущественно ручнымъ трудомъ.

Среди извѣстныхъ ему политическихъ формъ Аристотель различаетъ наиболѣе часто повторяющіяся какъ закономѣрныя. Таковыми онъ считаетъ монархію, аристократію и политію, т. е. непосредственную конституціонную демократію, въ которой господствуетъ законъ. Аристотель говоритъ о другихъ, не столь часто повторяющихся формахъ — деспотіи, олигархіи и демократіи (понимаемой имъ въ смыслѣ диктатуры массъ)—какъ объ отклоненіяхъ отъ обычныхъ формъ, какъ объ извращеніяхъ ихъ. Но возникновеніе и существованіе и этихъ формъ Аристотель обусловливаетъ опредѣленнымъ соотношеніемъ различныхъ общественныхъ силъ, т. е. и самое уклоненіе отъ нормъ по Аристотелю является закономѣрнымъ. Аристотель выясняетъ закономѣрность политической жизни, развитіе и смѣну разнообразныхъ политическихъ формъ, съ точки зрѣнія соотношенія различныхъ общественныхъ группъ—силъ, господство которыхъ обусловливаетъ собою различныя формы властвованія. Аристотель можетъ быть названъ истиннымъ основателемъ общественно-группового пониманія явленій соціально-политической жизни и первымъ теоретикомъ классовой борьбы.

Въ закономѣрности всѣхъ явленій общественной жизни геніальный мыслитель классической древности не сомнѣвался и выясненіе ея онъ, конечно, считалъ своей основной задачей. Вотъ почему Политика Аристотеля можетъ быть названа и первою соціологіей.

Послѣ Аристотеля, такъ основательно забытаго съ нашествіемъ германскихъ и славянскихъ варваровъ, долгое время некому было заниматься вопросомъ о закономѣрности общественной жизни людей. Только среди средневѣковыхъ арабовъ замѣчается интересъ къ этому вопросу. Это весьма понятно. Въ

лицѣ своихъ мыслителей, арабы, подъ вліяніемъ греко-римской цивилизаціи, достигли къ этому времени уже достаточно высокаго культурнаго уровня, чтобы оцѣнить значеніе древнегреческой науки и воспользоваться ея плодами для лучшаго пониманія окружающей дѣйствительности.

Наиболѣе выдающимся представителемъ арабской мысли былъ извѣстный политическій дѣятель и выдающійся мыслитель, *Ибнъ-Халдунъ* (1332—1406), авторъ многихъ замѣчательныхъ трудовъ („Всеобщая исторія", „Исторія берберовъ", „Пролегомены" и др.). Еще въ концѣ среднихъ вѣковъ, онъ сдѣлалъ смѣлую попытку выяснить законы міровой исторіи и установить общій ходъ развитія человѣческаго общества. Ибнъ-Халдунъ за 400 лѣтъ до Монтескье пытался выяснить главнѣйшія условія общественной жизни человѣка и отмѣчалъ соціологическое значеніе географической среды и климата. Онъ обращалъ вниманіе на то соотношеніе, которое существуетъ между образомъ жизни людей и условіями окружающей природы. Во второмъ отдѣлѣ своихъ „Пролегоменъ" Ибнъ-Халдунъ указываетъ на ту зависимость и соотношеніе, которыя можно замѣтить между различными обычаями народовъ, общественными учрежденіями ихъ и тѣми способами, съ помощью которыхъ люди обезпечиваютъ свое существованіе.

Въ эпоху Возрожденія мы видимъ новое начало самостоятельнаго развитія научной мысли. Ученые спѣшили воспользоваться открытыми подлинниками древнихъ классическихъ писателей. Изученіе общественной жизни привлекаетъ къ себѣ цѣлый рядъ умовъ. Контарини, Ботеро, Гвиччіардини и другіе даютъ рядъ описаній политико-экономическаго положенія современныхъ имъ странъ. Но первый истинный проблескъ научной мысли въ области пониманія закономѣрности общественной жизни слѣдуетъ искать лишь въ 17-мъ столѣтіи. Въ серединѣ этого столѣтія въ Англіи появляется особое ученое „Королевское Общество", основанное по мысли и плану Бэкона. Одновременно обращаютъ на себя вниманіе такъ называемые „политическія ариѳметики", которыхъ слѣдуетъ считать истинными родоначальниками современной научной статистики. Вскорѣ послѣ открытія Королевскаго Общества въ 1662 году, Джонъ Граунтъ представилъ на разсмотрѣніе общества свои извѣстныя „Естественныя и политическія наблюденія надъ записями умершихъ города Лондона". Это былъ научный трудъ, касающійся закономѣрности явленій рождаемости и смертности. Джонъ Граунтъ строитъ свои выводы на основаніи теоріи вѣроятностей и указываетъ на огромное практическое

значеніе изслѣдованія закономѣрностей различныхъ явленій общественной жизни. Граунтъ изслѣдовалъ смертность по возрасту и полу и придавалъ особое значеніе изслѣдованіямъ движенія населенія. Для выясненія потребленія и правильности расчетовъ торговли, которая должна соотвѣтствовать потребленію, послѣднія изслѣдованія имѣли, конечно, весьма важное значеніе. Онъ же указалъ и на важность статистическихъ изслѣдованій для правильной постановки страхованія.

Одинъ изъ членовъ — основателей и наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ Королевскаго Общества, Вильямъ Петти явился непосредственнымъ продолжателемъ Джона Граунта. Петти далъ цѣлый рядъ цѣнныхъ научныхъ работъ. Его главнѣйшій трудъ, Political Arithmetic, заключаетъ въ себѣ сравнительно-статистическій обзоръ цѣлаго ряда европейскихъ государствъ. Въ этомъ обзорѣ, какъ и въ другихъ своихъ изслѣдованіяхъ, Петти говоритъ не обычными общими словами и отвлеченными понятіями, а языкомъ чиселъ. Петти отказывается отъ субъективныхъ объясненій явленій общественной жизни и признаетъ лишь объективный методъ мѣры, вѣса и числа. Причинами общественныхъ явленій онъ согласенъ признавать лишь такія „причины, которыя очевидно покоятся въ самой природѣ вещей“.

Статистическое направленіе, данное общественной наукѣ Граунтомъ и Петти, оказалось въ высшей степени плодотворнымъ. Въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія направленіе политическихъ ариѳметиковъ имѣло своихъ послѣдователей во всѣхъ культурныхъ странахъ. Мысль о строгой закономѣрности всѣхъ явленій общественной жизни подтверждалась новыми изслѣдованіями и выражалась все болѣе и болѣе убѣдительно цѣлымъ рядомъ выдающихся ученыхъ, начиная съ Зюсмильха и Лапласа и кончая Кетле.

У нѣмца Зюсмильха закономѣрность общественной жизни носитъ еще мистическій, религіозный характеръ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самое заглавіе его знаменитаго сочиненія „Die gottliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, an der Geburt, dem Tode und der Fortpflanzen desselben erwiesen“ (т. е. „Божественный порядокъ въ измѣненіяхъ человѣческаго рода, обнаруживающійся въ рожденіяхъ, смерти и воспроизведеніи. Берлинъ 1741“). У бельгійца Кетле та же мысль о закономѣрности соціальныхъ явленій носитъ уже чисто-научный характеръ. Однако раньше, чѣмъ говорить о Кетле, котораго по справедливости слѣдуетъ считать въ числѣ основателей соціологіи не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ Конта и Спенсера, необходимо

упомянуть о предшествующихъ имъ представителяхъ общественной науки, стремившихся выяснить закономѣрность различныхъ экономическихъ, политическихъ и др. явленій общественной жизни.

Изъ числа этихъ предшественниковъ соціологіи слѣдуетъ упомянуть Монтескье, Вико, Адама Смита и Кондорсе.

Монтескье (1689—1755), совершенно незнакомый съ трудами Ибнъ-Халдуна, какъ-бы развивалъ мысль послѣдняго о значеніи физическихъ условій въ развитіи общественной жизни человѣка. Онъ говорилъ о вліяніи мѣстныхъ условій на весь образъ жизни обитающаго данную мѣстность народа. Указывалъ на соотношеніе между нравами и политическими учрежденіями. Выше мы уже видѣли, что Монтескье принадлежитъ самое опредѣленіе того, что мы должны называть законами общественныхъ явленій и закономѣрностью общественной жизни. Его мысль постоянно направлена къ выясненію ихъ. Этому посвящены его главнѣйшія сочиненія: „Духъ Законовъ“ и „Размышленія о величіи и упадкѣ римлянъ“. Главное стремленіе Монтескье: установить закономѣрность политической жизни людей, выяснивъ необходимое соотношеніе различныхъ условій общественной жизни и политическихъ учрежденій.

Джіованни Вико, первый послѣ Ибнъ-Халдуна, пытался мысль о закономѣрности исторической жизни народовъ развить въ особую науку. Въ своей замѣчательной работѣ—„Начало новой науки“—(1725 г.) Вико пытался установить тотъ общій ходъ закономѣрнаго развитія, который проходятъ всѣ историческіе народы. Къ сожалѣнію, Вико, ясно чувствовавшій существованіе закономѣрности историческаго развитія, невѣрно понялъ общій ходъ его. Вико не имѣлъ правильнаго представленія объ эволюціи, какъ о безконечномъ измѣненіи, усложненіи и смѣнѣ формъ. Его мысль была, главнымъ образомъ, прикована къ двумъ историческимъ моментамъ: къ среднимъ вѣкамъ, которые онъ называлъ эпохою возродившагося варварства, и къ эпохѣ возрожденія. Вмѣсто безконечной спирали, исторія всѣхъ народовъ, подобно жизни отдѣльнаго человѣка, рисовалась ему въ видѣ безконечно-повторяющихся замкнутыхъ круговъ рожденія, расцвѣта, упадка и разложенія. Впослѣдствіи его ошибку повторилъ Гумпловичъ. Явленіе повторяемости въ общественной жизни людей Вико понялъ слишкомъ узко и безотносительно, и потому ему и не удалось установить существованія той закономѣрности историческаго процесса, которую онъ только смутно чувствовалъ. Вико не доставало глубины и широты мысли, чтобы осуществить намѣченную имъ за-

дачу. Новая общественная наука была Вико провозглашена, но у него не хватило силъ и средствъ ее обосновать.

Новая наука была дѣйствительно основана, но совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ Вико Ее основалъ *Адамъ Смитъ*, который началъ съ антропологіи и психологіи, съ выясненія природы человѣка и его главнѣйшихъ двигателей („Теорія нравственныхъ чувствъ". 1759 г.); онъ сосредоточился на той области общественной жизни и дѣятельности человѣка, въ которой господствуетъ самое основное чувство человѣка, чувство эгоизма, матеріальный интересъ, экономическая выгода и расчетъ. Адама Смита принято обыкновенно считать основателемъ политической экономіи, хотя, быть можетъ, правильнѣе было-бы его назвать основателемъ соціологіи труда. Подобно Локку, А. Смитъ выдвигаетъ человѣческій трудъ, какъ мѣрило всѣхъ человѣческихъ цѣнностей. Въ раздѣленіи труда онъ видитъ важнѣйшее условіе экономическаго прогресса. Онъ выясняетъ отношеніе, существующее между раздѣленіемъ труда и рынкомъ; послѣдній своимъ объемомъ и широтою обусловливаетъ степень возможнаго раздѣленія труда. Это—настоящій соціологическій законъ, какъ законъ спроса и предложенія, установленный А. Смитомъ. Исходя изъ своихъ наблюденій и пониманія общественной жизни Англіи, изъ соотношенія ея общественныхъ классовъ (землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ), А. Смитъ говоритъ о распаденіи общества на различные классы, согласно различному участію ихъ въ производствѣ. Этотъ соціологическій законъ проявляется и въ соотвѣтственномъ распредѣленіи доходовъ: ренты, прибыли и заработной платы. Далѣе А. Смитъ выясняетъ то соотношеніе, которое можно видѣть между ростомъ общественнаго благосостоянія и ростомъ ренты, прибыли и заработной платы. Во всѣхъ явленіяхъ экономической жизни А. Смитъ стремится открыть извѣстную закономѣрность опредѣленнаго соотношенія явленій. Въ этомъ отношеніи онъ приближается къ Монтескье, который стремится къ тому-же, но въ другой области общественной жизни, въ области явленій политическихъ.

Слѣдуя по стопамъ А. Смита, *Мальтусъ* пытался выяснить законъ движенія народонаселенія, обусловленнаго соотношеніемъ числа рождаемости и количества средствъ существованія.

То, что было не по силамъ Д. Вико, то было до извѣстной степени осуществлено Тюрго и въ особенности *Кондорсе*, выдающимся дѣятелемъ и замѣчательнымъ мыслителемъ великой французской революціи. Его предсмертная историко-философская работа имѣетъ ясный отпечатокъ геніальнаго ума. Работа Кондорсе но-

ситъ весьма скромное названіе: „Набросокъ исторической картины развитія человѣческаго разума“. Эта историко-философская работа весьма богата соціологическими обобщеніями и, какъ выясненіе явленій прогресса, она можетъ быть названа истиннымъ соціологическимъ трудомъ. Главнѣйшими условіями прогресса Кондорсе считаетъ развитіе техники, средствъ производства и уплотненіе населенія. Изслѣдуя переходъ отъ охоты и скотоводства къ земледѣлію и выясняя смѣну способовъ и формъ обезпеченія человѣкомъ своего существованія, Кондорсе говоритъ: земледѣліе, которое можетъ кормить большее число людей на томъ-же самомъ пространствѣ земли, замѣняетъ собою другіе источники существованія. Далѣе, выясняя соотношеніе между различными явленіями общественной жизни, Кондорсе заключаетъ: земледѣліе благопріятствуетъ росту населенія, который, съ своей стороны, ускоряетъ развитіе Особо важное значеніе придаетъ Кондорсе тому отношенію, которое существуетъ между открытіемъ новыхъ средствъ жизни и способовъ производства и возможностью появленія нѣкотораго излишка въ жизненныхъ средствахъ по удовлетвореніи всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ человѣческихъ потребностей. Излишекъ въ жизненныхъ средствахъ при этихъ условіяхъ неизбѣжно вызываетъ возникновеніе новыхъ потребностей, а это вновь побуждаетъ людей искать новыхъ средствъ и способовъ ихъ удовлетворенія; такимъ образомъ происходитъ то, что называется *прогрессомъ*. Это—настоящая теорія прогресса, какъ развитія культуры и производительности. Кондорсе вполнѣ опредѣленно установилъ закономѣрность, которая, съ одной стороны, существуетъ между перенаселеніемъ, недостаточнымъ удовлетвореніемъ потребностей и открытіемъ новыхъ средствъ и способовъ ихъ удовлетворенія, а съ другой—между тѣмъ излишкомъ, который возникаетъ благодаря открытію новыхъ средствъ производства и ростомъ человѣческихъ потребностей, и усложненіемъ жизни.

Короче, Кондорсе открылъ намъ законъ того явленія общественной жизни, которое, вслѣдъ за нимъ, мы называемъ прогрессомъ. Этотъ законъ онъ понималъ широко. Онъ ясно видѣлъ, что возникновеніе новыхъ потребностей ведетъ къ дальнѣйшему развитію и усложненію жизни и общественныхъ отношеній, упорядочиваемыхъ различными обычаями и правовыми нормами; это выражается также неизбѣжно въ развитіи и усложненіи понятій, характеризующихъ собою различныя ступени общественнаго развитія человѣчества. Въ представленіи Кондорсе всѣ стороны общественной жизни людей неразрывно связаны другъ

съ другомъ; между ними существуетъ извѣстное соотношеніе, которое дѣлаетъ процессъ развитія любой стороны жизни вполнѣ закономѣрнымъ. Кондорсе былъ дѣйствительно не только философомъ исторіи, но и настоящимъ соціологомъ. Онъ говорилъ и о примѣненіи теоріи вѣроятностей къ уясненію закономѣрности различныхъ сторонъ общественной жизни.

Весь ходъ умственнаго развитія человѣчества Кондорсе подраздѣлялъ на 4 послѣдовательныя ступени. Каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ опредѣленное состояніе человѣческаго мышленія. Таковы: 1) антропоморфическое или теологическое мышленіе, 2) метафизическое, 3) механическое или матеріалистическое и 4) математическое или научное.

Огюстъ Контъ, послѣдователь Кондорсе, считающійся многими обществовѣдами настоящимъ основателемъ соціологіи, сократилъ число основныхъ ступеней умственнаго развитія, опредѣленныхъ Кондорсе, до трехъ и объявилъ послѣдовательность ихъ основнымъ соціологическимъ закономъ. Повторяя Кондорсе, Контъ, въ свою очередь, указываетъ на то значеніе, какое имѣетъ ростъ и уплотненіе населенія для ускоренія общественнаго развитія. Повторяя Монтескье, Контъ говоритъ о значеніи расы и климата. Но самъ онъ обращалъ особое вниманіе на общественное устройство и видѣлъ въ человѣческомъ обществѣ организацію, основанную на общественномъ раздѣленіи труда. Контъ называлъ человѣческое общество соціальнымъ или коллективнымъ организмомъ и смотрѣлъ на общественный строй біологически.

Общественное раздѣленіе труда О. Контъ считалъ основою всякаго общественнаго порядка и соотношенія людей и смотрѣлъ на каждаго члена общества, какъ на особаго исполнителя опредѣленной общественной функціи, необходимой для существованія общественнаго организма. Въ общественномъ порядкѣ Контъ видѣлъ настоящую органическую связь, солидарность и вполнѣ опредѣленное и строго іерархическое соотношеніе различныхъ членовъ общества и общественныхъ классовъ, напоминавшее ему біологическую лѣстницу различныхъ видовъ животныхъ. Контъ видѣлъ въ общественной жизни два вида закономѣрности: біологическую и историческую. Онъ видѣлъ закономѣрность, какъ въ соотношеніи различныхъ общественныхъ классовъ, такъ и въ соотношеніи различныхъ членовъ общества, а равно и въ соотношеніи различныхъ историческихъ событій. И главнѣйшею заслугой Конта несомнѣнно слѣдуетъ считать его указаніе на необходимость изучать всѣ явленія общественной жизни въ ихъ естественной связи и соотношеніи.

Эта мысль объ естественной связи и соотношеніи всѣхъ явленій общественной жизни лежитъ въ основѣ главнѣйшей работы Конта, его „Курса Положительной Философіи“. Послѣдніе три тома этого обширнаго труда по философіи наукъ посвящены обществовѣдѣнію и носятъ то-же самое названіе, какимъ Кетле назвалъ въ 1835 году свою сводную статистико-соціологическую работу. Появившіяся одновременно, „Соціальная Физика“ Адольфа Кетле и „Соціальная Физика“ Огюста Конта, несмотря на поразительное различіе этихъ двухъ замѣчательныхъ трудовъ, съ равнымъ правомъ могутъ быть названы двумя краеугольными камнями соціологіи, которую первоначально называли соціальною физикою.

„Соціальная Физика“ Огюста Конта посвящена главнѣйшимъ образомъ изложенію историко-философскаго закона трехъ состояній человѣческаго разума, которыми по мнѣнію Конта обусловливаются различныя историческія эпохи, проходимыя человѣчествомъ. Кондорсе говорилъ объ эпохахъ теологическаго, метафизическаго, механическаго и научнаго мышленія. Контъ, непосредственно унаслѣдовавшій отъ Кондорсе идею ступеней умственнаго развитія человѣчества, сократилъ четыре эпохи Кондорсе до трехъ, сливъ послѣднія двѣ ступени Кондорсе (ступень механическаго и ступень научнаго мышленія) въ одну (ступень положительнаго мышленія). Измѣнивъ такимъ образомъ схему Кондорсе, Контъ установилъ свой собственный законъ трехъ состояній человѣчества и сталъ утверждать, что онъ открылъ этотъ законъ въ 1822 году, несмотря на то, что о подобной-же послѣдовательности отдѣльныхъ ступеней умственнаго развитія человѣчества говорилъ не только Кондорсе, но еще и Тюрго. Къ сожалѣнію Контъ не имѣлъ достаточно данныхъ, чтобы должнымъ образомъ обосновать свой законъ соціальной динамики съ помощью сравнительно-историческаго изслѣдованія общаго хода развитія самыхъ различныхъ человѣческихъ обществъ. Контъ пытался вывести общій ходъ соціальной эволюціи почти исключительно съ помощью исторіи западно-европейскихъ народовъ, которые въ умѣ Конта отожествлялись со всѣмъ человѣчествомъ. Сравнительно-историческій методъ Конта былъ весьма неудовлетворителенъ для того, чтобы заложить настоящія основы генетической соціологіи или соціальной динамики, какъ называлъ ее Контъ. Однако Конту все-же принадлежитъ первая, вполнѣ опредѣленная попытка построить эту дисциплину съ помощью сравнительно-историческаго метода. Это должно быть признано безспорною заслугой Конта. Контъ хорошо понималъ, что закономѣрность общественной жизни можетъ быть установлена двояко: во-первыхъ на осно-

ваніи закономѣрнаго хода развитія общественной жизни въ прошломъ и во-вторыхъ, на основаніи закономѣрностей, наблюдаемыхъ въ современной общественной жизни. Соотвѣтственно этому, Соціальная Физика Конта заключала въ себѣ и соціальную динамику и соціальную статику. Содержаніе соціальной динамики Конта почти исчерпывалось изложеніемъ упомянутаго философско-историческаго закона трехъ состояній. Содержаніе соціальной статики Конта тоже почти исчерпывалось выясненіемъ значенія общественнаго раздѣленія труда и явленій общественной іерархіи и субординаціи причемъ всѣ эти явленія Контъ стремился обосновать біологически, видя въ общественномъ раздѣленіи труда біологическій законъ раздѣленія труда между клѣточками организма, а въ общественной іерархіи классовъ настоящее продолженіе лѣстницы животныхъ. Подобный біологизмъ, конечно, не могъ способствовать развитію чисто соціологическаго мышленія и построенію соціологіи „какъ совершенно особой науки, основанной на ея собственномъ, ей свойственномъ фундаментѣ". Въ этомъ отношеніи, „Соціальная Физика" Адольфа Кетле гораздо болѣе заслуживала названіе такой науки, чѣмъ „Соціальная Физика" Огюста Конта. Потому что „Соціальная Физика" Кетле была построена на чисто соціологическихъ данныхъ и служила выясненію соціологическихъ законовъ въ непосредственномъ смыслѣ этого слова. А „Соціальная Физика" Конта была въ значительной степени нѣкоторымъ добавленіемъ къ философіи біологическихъ наукъ. Къ сожалѣнію соціологическое значеніе „Соціальной Физики" Кетле не было понято должнымъ образомъ даже самимъ Контомъ, который, говорятъ, узнавъ о появленіи „Соціальной Физики" Кетле, поспѣшилъ переименовать свою „Соціальную Физику" въ соціологію, какъ назвалъ онъ въ концѣ концовъ ту соціальную науку, которая по его мнѣнію должна была увѣнчать собою все зданіе человѣческаго знанія

„Соціальная Физика" Адольфа Кетле была посвящена выясненію закономѣрности явленій общественной жизни и открытію законовъ, ею управляющихъ. Научныя статистическія работы Кетле, которыя легли въ основу его „Соціальной Физики", были продолженіемъ и расширеніемъ задачъ, завѣщанныхъ политическими ариѳметиками.

Если съ одной стороны смотрѣть на Конта главнымъ образомъ какъ на представителя генетической соціологіи, что Контъ вполнѣ заслуживаетъ, благодаря тому первенствующему значенію, которое онъ придавалъ своему соціально-динамическому и философско-историческому закону трехъ состояній, а съ другой сто-

роны смотрѣть на Кетле, какъ на изслѣдователя закономѣрностей явленій, наблюдаемыхъ въ современной общественной жизни, то вполнѣ можно сказать, что Контъ и Кетле олицетворяли собою два равно-значныхъ соціологическихъ теченія, сліяніе которыхъ должно было дѣйствительно породить соціологію, какъ особую самостоятельную науку о закономѣрности общественной жизни. Къ сожалѣнію, это сліяніе двухъ основныхъ соціологическихъ теченій, столь необходимое для построенія и успѣшнаго развитія соціологіи, не произошло и это сильно затормозило дальнѣйшее развитіе соціологической науки.

Научными трудами Конта и Кетле соціологія дѣйствительно была основана, но лишь въ видѣ двухъ основныхъ построекъ, которыя необходимо было соединить въ единое зданіе науки, чтобы можно было ее правильно построить. Этого не было, однако, сдѣлано. Вмѣсто того дѣлались новыя и новыя попытки построенія соціологіи.

Изъ мыслителей, оказавшихъ особо сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе соціологіи, прежде всѣхъ другихъ должны быть упомянуты Гербертъ Спенсеръ и Карлъ Марксъ.

Гербертъ Спенсеръ, не въ меньшей степени чѣмъ Контъ, подпалъ подъ вліяніе господствовавшей въ его время біологіи. И, если онъ по времени своего болѣе поздняго выступленія и не можетъ считаться основателемъ соціологіи, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ ея дальнѣйшимъ и главнѣйшимъ обоснователемъ. Его двухъ-томный знаменитый трудъ „Основанія Соціологіи“, подобно Политикѣ Аристотеля, есть лишь обстоятельная сводка выводовъ, взятыхъ имъ изъ его предварительныхъ обширныхъ изслѣдованій быта и структуры всѣхъ извѣстныхъ, какъ современныхъ, такъ и историческихъ, человѣческихъ обществъ въ процессѣ ихъ развитія.

Спенсеръ разсматривалъ всѣ явленія общественной жизни съ точки зрѣнія ихъ закономѣрной эволюціи. Подобно Конту, онъ не выдѣлялъ эти явленія изъ числа всѣхъ прочихъ естественныхъ явленій. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что явленія общественной жизни совершаются не менѣе закономѣрно, чѣмъ всѣ другія естественныя явленія. Онъ правильно считалъ за аксіому, что дѣйствіе законовъ міровыхъ, всеобщихъ законовъ, распространяется на всѣ явленія міровой жизни, а слѣдовательно, и на всѣ явленія общественной жизни. Вотъ почему Гербертъ Спенсеръ говоритъ и о законѣ ритма въ примѣненіи къ пониманію хода общественной жизни, и о законѣ дѣйствія, равнаго противодѣйствію, и о законѣ равновѣсія и равнодѣйствующей, и о законѣ

инерціи, и о другихъ общихъ законахъ, которые одинаково приложимы ко всѣмъ явленіямъ, какія мы можемъ только наблюдать. Равнымъ образомъ говорилъ онъ и о законахъ дифференціаціи и интеграціи и смотрѣлъ на самую общественную эволюцію и человѣческій прогрессъ, какъ на переходъ отъ простого къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному.

Но свое главное вниманіе онъ удѣлялъ изслѣдованію закономѣрности развитія организаціи общества и эволюціи отдѣльныхъ общественныхъ учрежденій. По силѣ связанности своихъ частей, находящихся всегда въ опредѣленномъ соотношеніи, по строгой зависимости и постоянному соотношенію ихъ функцій, человѣческое общество напоминало собою Спенсеру животный организмъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ правильности этой аналогіи, считалъ общественную жизнь не менѣе закономѣрной, чѣмъ жизнь любого организма и пользовался весьма широко такъ называемымъ аналогическимъ методомъ.

Спенсеръ и Контъ имѣли немалое число послѣдователей, подобно имъ видѣвшимъ въ общественной жизни біологическую закономѣрность. Всѣ они исходили изъ пониманія общества какъ организма. Считали основнымъ закономъ общественной жизни біологическій законъ раздѣленія труда между отдѣльными органами и клѣточками организма. Къ этому направленію принадлежали многіе соціологи, изъ числа которыхъ наиболѣе видными считаются Шеффле, Лиліенфельдъ и нѣкоторые другіе. Они образуютъ особую органическую школу соціологіи. Къ ней въ настоящее время примыкаетъ Ренэ Вормсъ, а отчасти примыкалъ и Эмиль Дюркгеймъ. Но органическо-біологическое направленіе, въ общемъ, оказалось мало-плодотворнымъ для построенія науки о закономѣрности общественной жизни. Въ этомъ отношеніи конечно особо важное значеніе имѣетъ статистико-соціологическое направленіе, начало которому положилъ Кетле. Генетическая соціологія, опирающаяся на этнологію и сравнительную исторію учрежденій и статистико-соціологическое направленіе, пользующееся одновременно данными статистики и данными самыхъ различныхъ общественныхъ наукъ, дѣйствительно даютъ необходимыя основы для построенія соціологіи какъ науки о явленіяхъ общественной жизни и ея закономѣрностяхъ.

Основываясь на массовыхъ наблюденіяхъ самыхъ различныхъ соціальныхъ явленій, Кетле ясно видѣлъ, какъ онъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ въ своей „Соціальной Физикѣ“ (1835 г.), что „человѣкъ родится, развивается и умираетъ по извѣстнымъ законамъ, которые никогда не были изучаемы ни въ ихъ совокуп-

ности, ни въ ихъ воздѣйствіи другъ на друга". И Кетле посвятилъ всю свою жизнь изученію этихъ законовъ съ помощью статистическихъ изслѣдованій, зная, что „чѣмъ больше число наблюденій... тѣмъ рельефнѣе обозначается рядъ тѣхъ общихъ фактовъ, въ силу которыхъ общество существуетъ и поддерживаетъ свое существованіе". „Не только по своимъ физическимъ качествамъ, но и по своимъ дѣйствіямъ", говоритъ Кетле въ другомъ мѣстѣ, „человѣкъ находится подъ вліяніемъ причинъ, большая часть которыхъ правильны и періодичны, и имѣютъ правильныя и періодичныя слѣдствія.

Послѣдовательнымъ изученіемъ можно опредѣлить эти причины и формы ихъ дѣйствія, или тѣ законы, которые они создаютъ. Теорія вѣроятностей показываетъ, что во всѣхъ случаяхъ можно тѣмъ ближе подойти къ истинѣ или законамъ, которые мы хотимъ опредѣлить, чѣмъ большее число индивидуумовъ обнимаетъ собой наблюденіе."

Руководясь теоріей вѣроятностей, Кетле статистически изслѣдовалъ законы жизни человѣка и его жизнедѣятельности.

И на основаніи своихъ статистическихъ изслѣдованій, Кетле считалъ возможнымъ отрицать значеніе случайности даже въ области нравственной жизни человѣка и постоянно повторялъ о существованіи въ этой области опредѣленнаго бюджета, „который уплачивается съ поразительной правильностью. Это—это бюджетъ темницъ, каторги и эшафота".

Кетле пытался статистически установить „законы, по которымъ человѣкъ воспроизводитъ себѣ подобныхъ и развивается физически и нравственно, въ отношеніи большей или меньшей склонности къ добру и злу, законы, по которымъ развиваются его страсти и наклонности, по которымъ совершается производство и потребленіе, по которымъ онъ умираетъ и проч".

Правда, въ своихъ выводахъ Кетле иногда дѣлалъ ошибки. И странно было-бы требовать, чтобы Кетле ихъ не дѣлалъ. Онъ прорубалъ путь мысли въ совершенно неизвѣстную область. Въ темныхъ массахъ безконечно-повторяющихся фактовъ не всегда находились указанія, какъ слѣдуетъ ихъ понимать, и это обстоятельство позволяло Кетле иногда отклоняться отъ вѣрнаго пути. На соблазнительной почвѣ среднихъ цифръ массовыхъ повторяющихся фактовъ Кетле между прочимъ создалъ свое ученіе объ отвлеченномъ среднемъ человѣкѣ. Это ученіе вызвало самые рѣзкіе упреки и нападки со стороны цѣлаго ряда выдающихся ученыхъ. Но даже и въ своемъ ученіи о среднемъ человѣкѣ Кетле руководился истинно-научными стремленіями, желая при-

ложить къ изученію даже личной жизни и индивидуальныхъ особенностей человѣка чисто объективный научный методъ. Съ помощью математической теоріи вѣроятностей, Кетле хотѣлъ приблизить статистическое изслѣдованіе законовъ индивидуальной жизни къ точности математическихъ наукъ. Но, на-ряду съ статистическимъ изслѣдованіемъ индивидуальной жизни человѣка, Кетле пытался съ помощью тѣхъ-же статистическихъ способовъ изучить и самыя различныя явленія общественной жизни. Онъ пытается изслѣдовать различныя общественныя формы, законы рожденія, развитія и исчезновенія народовъ, смѣны формъ правленія, законъ народонаселенія, колонизацій, правовую жизнь и законодательство, явленіе деморализаціи и пауперизма, значеніе умственнаго общенія людей для ихъ развитія. Кетле стремится установить законы соціальной эволюціи и народнаго благосостоянія. Въ своемъ „Du Système Social“ („Соціальная Система“, изд. въ 1848 г.) Кетле дѣлаетъ попытку установить законы, управляющіе соціальной системой и выяснить общественныя силы, приводящія ее въ движеніе.

Основнымъ условіемъ существованія любого общественнаго строя и устойчивости верховной правительственной власти Кетле считалъ законъ равновѣсія соціальныхъ силъ. Онъ указывалъ на значеніе равнодѣйствующей соціальныхъ силъ для опредѣленія пути и направленія общественныхъ движеній. Революціи, говорилъ Кетле, еще за два года до революціи 1848 г., „уясняютъ намъ многочисленныя аналогіи, существующія между принципами механическаго равновѣсія и движенія и равновѣсіемъ и движеніемъ въ нравственномъ мірѣ“. Въ своей „Соціальной Системѣ“ Кетле пишетъ: „Любопытныя сближенія между законами, управляющими матеріальнымъ міромъ и законами, управляющими нравственнымъ міромъ, можно провести еще далѣе“. Мысль о значеніи закона равновѣсія въ соціальной жизни неизбѣжно приводила Кетле къ необходимости выяснить то соотношеніе частей соціальной системы, отъ котораго зависитъ все ея существованіе. Но онъ невольно останавливался передъ этой задачей, непосильной для отдѣльнаго, даже самаго выдающагося человѣческаго ума, и вопросительно восклицалъ: „Но гдѣ та рука, которая приподниметъ густую завѣсу, наброшенную на тайны нашей соціальной системы и на вѣчные принципы, управляющіе ея судьбами и упрочивающіе ея существованіе? Кто будетъ вторымъ Ньютономъ, который уяснитъ законы этой другой небесной механики?“

Такимъ Ньютономъ, до извѣстной степени, былъ Карлъ Марксъ,

новѣйшій основатель соціологической теоріи общественныхъ силъ, теоріи общественно-группового истолкованія политической жизни, теоріи, которая со времени Аристотеля ждала своего дальнѣйшаго развитія.

Марксъ смотрѣлъ на человѣческое общество, какъ на общественное сотрудничество и считалъ своей задачей выяснить то соотношеніе, въ которомъ находятся всѣ стороны жизни людей по отношенію къ экономической. Какъ экономистъ, онъ ограничивался въ своихъ изслѣдованіяхъ періодомъ капиталистическаго хозяйства и говорилъ о закономѣрности различныхъ общественныхъ явленій съ точки зрѣнія обусловленности ихъ явленіями экономическими, имѣющими первенствующее значеніе въ общемъ соотношеніи явленій общественной жизни.

Марксъ видѣлъ, какъ въ общественномъ производствѣ своей жизни (т. е. въ общественномъ сотрудничествѣ по обезпеченію потребностей своей жизни) „люди вступаютъ въ опредѣленныя, отъ ихъ воли независящія отношенія, производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ ступенямъ развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ“. И говорилъ: „совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія“.

По Марксу, изобрѣтенія (напр., машины) и открытіе новыхъ производительныхъ силъ (напр., паровой силы) кладутъ начало соотвѣтственнымъ новымъ формамъ производства (въ данномъ случаѣ—машинному). Новыя формы производства (требующія въ данномъ случаѣ примѣненія большихъ капиталовъ) вызываютъ появленіе новыхъ общественныхъ отношеній въ процессѣ производства (напр., отношеніе капиталиста, собственника дорого стоющихъ орудій, и наемнаго рабочаго).

Появленіе новыхъ общественныхъ отношеній значитъ: новая общественная группировка, возникновеніе новыхъ общественныхъ классовъ, измѣненіе всего соотношенія старыхъ; значитъ: измѣненіе самой основы общественнаго устройства и организаціи власти, а равно и общественнаго міросозерцанія людей. Вотъ почему Марксъ и говоритъ: „На извѣстной ступени ихъ развитія матеріальныя производительныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, что служитъ лишь юридическимъ ихъ выраженіемъ, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ они дѣйствовали до этихъ поръ. Изъ условій развитія производительныхъ

силъ они дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ время соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія болѣе или менѣе медленно или быстро преобразуется вся громадная надстройка". Таково, по Марксу, соотношеніе различныхъ явленій общественной жизни, которое неизбѣжно обусловливаетъ ея закономѣрность. Таковъ основной соціологическій законъ Маркса.

Марксъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой понялъ этотъ законъ и примѣнилъ его къ изученію новѣйшаго развитія человѣческаго общества. Многочисленные ученики Маркса шли путемъ, который былъ имъ указанъ ихъ учителемъ. Они старались выяснить законы развитія и соотношенія самыхъ различныхъ общественныхъ явленій (хозяйства, семьи, экономическаго, правового и политическаго строя). Для этого они пользовались, какъ данными экономической и политической исторіи, такъ и данными статистики, этнографіи и права. Аналогичныя стремленія проявились одновременно, хотя и въ нѣсколько иномъ направленіи, и съ совершенно другой стороны. Почти одновременно съ возникновеніемъ въ Германіи и другихъ странахъ соціологической марксистской школы, во Франціи совершенно самостоятельно возникла особая школа соціальной науки, получившая, по имени своего основателя, наименованіе школы Ле-Пле. Ле-Пле, имѣвшій возможность непосредственно наблюдать и изучать бытъ различныхъ народовъ и въ особенности рабочихъ классовъ населенія различныхъ странъ, пришелъ къ заключенію, что надъ жизнью людей господствуютъ два закона: законъ нравственности и законъ экономическій. Подъ закономъ нравственности Ле-Пле понимаетъ, главнымъ образомъ, господство извѣстныхъ формъ семьи и семейныхъ отношеній. Подъ экономическимъ закономъ онъ разумѣетъ законъ экономической необходимости, выражающейся въ господствѣ экономическаго фактора. Ле-Пле считалъ, что онъ открылъ основныя начала существованія общественнаго строя человѣческаго общества, но въ концѣ концовъ признавалъ, что онъ не изобрѣлъ ничего новаго. Дѣйствительно, кромѣ монографій о положеніи рабочихъ классовъ, единственное, что осталось отъ Ле-Пле, это— его строго-наблюдательный монографическій методъ, которымъ воспользовались его ученики для выясненія закономѣрности различныхъ явленій общественной жизни. Они основали „Международное общество соціальной науки", которое издаетъ спеціальный журналъ „Соціальная наука по наблюдательному методу". Въ числѣ своихъ членовъ оно имѣетъ цѣлый рядъ ученыхъ наблюдателей: Де-Муленъ, Поль де-Рузье и другіе изслѣдователи

общественной жизни дали рядъ цѣнныхъ монографій по различнымъ соціальнымъ вопросамъ. Однако труды ученыхъ представителей этой школы до сихъ поръ скорѣе сосредоточивались на описаніи и классификаціи явленій. чѣмъ на выясненіи ихъ закономѣрности. При этомъ слѣдуетъ сказать, что вліяніе и распространеніе этой школы ограничивается главнымъ образомъ предѣлами Франціи. При чемъ даже и во Франціи она не получила того значенія, которымъ безспорно пользуется всюду экономическая школа, основанная Марксомъ и Энгельсомъ, имѣющая своихъ видныхъ представителей во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Экономическое направленіе Карла Маркса и его учениковъ въ свое время вызвало, и въ настоящее время продолжаетъ вызывать, рядъ возраженій со стороны представителей другихъ направленій общественной науки. Но эти возраженія раздаются главнымъ образомъ со стороны людей, которые смотрятъ на явленія соціальной жизни съ субъективной точки зрѣнія, сомнѣваются въ закономѣрности явленій общественной жизни и даже считаютъ возможнымъ ее съ легкимъ сердцемъ отрицать. Подобные научные нигилисты примыкаютъ обыкновенно къ новѣйшей, въ настоящее время господствующей въ соціологіи психологической школѣ, которая унаслѣдовала вліяніе господствовавшей раньше органическо-біологической школы. Впрочемъ, даже и психологическая школа, въ лицѣ преобладающаго большинства ея представителей, смотритъ на явленія общественной жизни, какъ на закономѣрныя. Только она понимаетъ эту закономѣрность съ психологической точки зрѣнія, которая такъ-же естественна для психологовъ, какъ органическая точка зрѣнія естественна для біологовъ. Господство психологическаго направленія въ соціологіи въ дни мощнаго развитія психологіи никого не должно удивлять. Мы видимъ въ данномъ случаѣ характерное повтореніе явленія, уже наблюдавшагося въ моментъ расцвѣта біологіи.

Наука, обратившая на себя особое вниманіе и получившая преобладающее вліяніе въ извѣстный моментъ, производитъ неизбѣжное давленіе на другія науки, въ особенности на болѣе близкія къ ней, и временно даже можетъ подчинить себѣ какую-нибудь изъ нихъ. Сама психологія, подчинившая себѣ соціологію въ лицѣ психологической школы, еще не вполнѣ вышла изъ-подъ вліянія когда-то поглощавшей ее біологіи.

Но и большинство соціологовъ психологическаго направленія, какъ только что было объ этомъ сказано, свидѣтельствуютъ о закономѣрности явленій общественной жизни. И даже тѣ изъ нихъ,

которые въ своемъ психологизмѣ доходятъ до отожествленія общества съ психологическимъ взаимодѣйствіемъ личностей, а общественной жизни—съ гипнозомъ, все-же не только признаютъ закономѣрность явленій общественной жизни, но даже говорятъ о закономѣрности ея въ очень ясныхъ, яркихъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Габріель Тардъ, блестящій основатель и выразитель французской психологической школы. „Наука, говоритъ Тардъ, есть порядокъ явленій, разсматриваемыхъ со стороны ихъ повторенія". Такова астрономія, наука о правильно повторяющихся явленіяхъ въ жизни небесныхъ тѣлъ. Астрономія, говоритъ Тардъ, была основана, когда впервые были подмѣчены наиболѣе очевидныя повторенія въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, движеніе которыхъ первоначально представлялось въ видѣ единаго и общаго вращенія всего небеснаго свода со множествомъ вкрапленныхъ въ него небесныхъ тѣлъ. Астрономія пошла впередъ, когда это грубое представленіе о правильной повторяемости общаго движенія небесныхъ тѣлъ было замѣнено болѣе реальными понятіями о „безчисленномъ множествѣ мелкихъ круговращеній, отличныхъ одно отъ другого, нисколько не синхроническихъ, но безконечно повторяющихся". Точно также, говоритъ Тардъ, обстоитъ дѣло и съ біологіей. „Подобія и повторенія, которыя замѣчали и которыми пользовалась нарождавшаяся наука объ организмахъ, были поверхностныя и обманчивыя. Растенія и животныя не родственныя другъ другу, но имѣющія нѣкоторыя сходства по своей внѣшней формѣ, вначалѣ нерѣдко отожествлялись, а между организмами несходными по внѣшней формѣ, но въ дѣйствительности принадлежащими къ одной и той-же семьѣ, устанавливалось глубокое различіе, въ дѣйствительности не существующее. Но біологія уже была основана, какъ наука о повторяющейся, или способной безконечно повторяться особи, когда были хотя и грубо установлены самыя очевидныя повторенія въ жизни растительныхъ и животныхъ организмовъ. Однако и эта наука, подобно астрономіи, получила возможность двигаться впередъ лишь тогда, когда клѣточная теорія доказала, что у животныхъ, какъ и у растеній, безконечно повторяющійся элементъ есть клѣточка, сначала сѣмяпочка, а потомъ и всѣ другія отъ нея происходящія, первичное явленіе жизни есть безконечное повтореніе каждой клѣточкой тѣхъ видовъ питанія и дѣятельности, роста и размноженія, которые наслѣдовала она и которые она передаетъ своему потомству.

Точно также, по мнѣнію Тарда, дѣло обстоитъ и съ соціологіей. Ея появленіе, говоритъ Тардъ, „начинается съ того момента, когда въ смутномъ хаосѣ общественныхъ явленій подмѣтили, или думали, что подмѣтили, нѣкоторую періодичность и правильность". Аристотель первый установилъ повторяемость извѣстныхъ политическихъ формъ. Впослѣдствіи, Вико дошелъ даже до идеи круговращательнаго движенія и вѣчнаго повторенія однообразнаго цикла развитія народовъ. Въ новѣйшее время Контъ и Спенсеръ думали, что основали соціологію съ помощью историческаго и аналогическаго методовъ, сближая общество и общественный порядокъ съ животнымъ организмомъ и съ іерархіей видовъ животныхъ. Однако дѣло подвигалось слабо, пока наконецъ и въ соціологіи, подобно тому, какъ это случилось и въ развитіи другихъ наукъ, „отъ поспѣшныхъ обобщеній, основанныхъ на пустыхъ и ложныхъ, грандіозныхъ и призрачныхъ аналогіяхъ, не перешли къ обобщеніямъ, покоющимся на массѣ мелкихъ, подобныхъ фактовъ, отличающихся яснымъ и точнымъ сходствомъ."

Тардъ имѣетъ въ виду повторяемость явленій, изслѣдуемыхъ современнымъ сравнительнымъ языкознаніемъ, сравнительной миѳологіей и въ особенности политической экономіей и статистикой. „Эти спеціалисты соціологіи", какъ называетъ Тардъ представителей этихъ научныхъ дисциплинъ, „усмотрѣли немало интересныхъ отношеній между послѣдовательными и совмѣстными фактами отношеній, которые ежеминутно повторяются въ предѣлахъ изучаемыхъ областей."

Тардъ считалъ, что „всякое сходство происходитъ отъ повторенія, а всякое повтореніе есть вибрація, воспроизведеніе, или подражаніе. Особое значеніе онъ придавалъ послѣднему виду повторяемости, видя въ законѣ подражанія основной соціологическій законъ общественной жизни людей. Впрочемъ, даже непомѣрно преувеличивая соціологическое значеніе явленія подражанія, Тардъ сознавалъ, что настоящая причина повторяемости въ жизни и дѣятельности людей есть „съ одной стороны основное единство человѣческой природы и тожество потребностей, удовлетвореніе которыхъ составляетъ цѣль соціальной эволюціи, тожество чувствъ и устройство мозга; а съ другой стороны—однообразіе внѣшней природы, удовлетворяющей почти одинаковыя потребности, почти одними и тѣми-же средствами и представляющей почти одинаковымъ глазамъ одни и тѣ-же зрѣлища."

Тардъ ясно видѣлъ, что на опредѣленной ступени общественнаго развитія все это должно повсюду неизбѣжно вызывать

схожіе виды промышленности, схожія политическія формы, схожія искусства, схожія понятія, миѳы и теоріи.

Видя въ повторяемости явленій въ самыхъ различныхъ областяхъ общественной жизни лучшее свидѣтельство ея закономѣрности, Тардъ предлагалъ для изслѣдованія этой закономѣрности пользоваться статистическимъ методомъ. Статистическій методъ, по мнѣнію Тарда, есть по преимуществу методъ соціологическій. Къ сожалѣнію до сравнительно недавняго времени статистическій методъ находился почти въ монопольномъ пользованіи государственной и общественной власти и служилъ главнымъ образомъ правительству, а не наукѣ. Только въ самое послѣднее время къ чисто практическимъ административнымъ цѣлямъ статистическихъ работъ, предпринимаемыхъ различными властями, стали примѣшиваться и кое-какія научныя соображенія. Съ другой стороны различными общественными учрежденіями и учеными обществами предпринимаются статистическія изслѣдованія для обстоятельнаго, объективнаго выясненія цѣлаго ряда вопросовъ и закономѣрностей общественной жизни. Такъ выясняются вопросы, связанные съ ростомъ и составомъ населенія, вопросы народнаго здравія, развитія промышленности и торговли, преступность и проч. На этой почвѣ создалась статистика демографическая, статистика экономическая, статистика труда, брачная, санитарная, криминологическая, политическая и пр Кромѣ установленной повторяемости тѣхъ или иныхъ явленій были и попытки установить ихъ соотношенія. Такъ выяснилось соотношеніе между рождаемостью и смертностью, брачностью и рождаемостью, экономической обезпеченностью населенія и преступностью, соотношенія между народными обычаями, нравами и политическими явленіями и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ уже имѣется немало научныхъ монографій, изъ которыхъ нѣкоторыя хорошо показываютъ закономѣрность явленій общественной жизни. Въ концѣ концовъ мы видимъ, что закономѣрность соціальныхъ явленій въ сущности ничѣмъ не отличается отъ закономѣрности явленій, разсматриваемыхъ естествознаніемъ. И это вполнѣ понятно, такъ какъ человѣкъ и его общественная жизнь есть не что иное какъ часть природы, частица жизни міровой, закономѣрность которой уже давно прочно установлена. Повторяемость явленій и ихъ необходимое соотношеніе мы замѣчаемъ всюду, но каждая наука имѣетъ своею задачею—выясненіе явленій своей собственной области. Знаніе едино, но человѣческія силы ограничены и поневолѣ трудъ ученыхъ разбрасывается по особымъ научнымъ дисциплинамъ. Такую особую область явленій представляютъ собой и

явленія общественной жизни, или явленія соціальныя. Ихъ своеобразность требуетъ особой научной дисциплины. Таковой и является соціологія, которая только одна можетъ намъ разъяснить закономѣрность общественной жизни, обусловленной правильнымъ повтореніемъ и необходимымъ соотношеніемъ ея явленій.

III.

Своеобразность явленій общественной жизни. Необходимость и возможность соціологіи. Ея предпосылки.

Исторія развитія вопроса о закономѣрности явленій общественной жизни показываетъ очень хорошо, что между пониманіемъ закономѣрности этихъ явленій и пониманіемъ закономѣрности всѣхъ другихъ естественныхъ явленій нѣтъ никакой существенной разницы. Извѣстная повторяемость явленій и необходимое ихъ соотношеніе одинаково свойственны всѣмъ явленіямъ міровой жизни и въ этомъ отношеніи общественная жизнь не представляетъ собою никакого исключенія. Однако это не мѣшаетъ явленіямъ соціальной жизни имѣть извѣстную своеобразность. И самымъ своеобразнымъ, характернымъ и типичнымъ изъ всѣхъ явленій соціальной жизни, или такъ называемыхъ соціальныхъ явленій, конечно должны считаться *явленія сожитія и общенія.*

Здѣсь не мѣсто описывать и выяснять эти явленія. Изслѣдованіе ихъ—дѣло дальнѣйшаго изложенія. Они будутъ описаны подробно и выяснены обстоятельно въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Здѣсь-же необходимо указать ихъ сущность и до извѣстной степени ихъ всеобщность и распространенность.

Явленіе сожитія есть извѣстный видъ со-существованія. Со-существованіе такъ называемыхъ живыхъ существъ разнообразно. Оно можетъ быть простымъ со-существованіемъ во времени и можетъ быть простымъ со-существованіемъ въ пространствѣ. И то и другое можетъ происходить безъ всякаго общенія со-существующихъ особей или индивидуумовъ, которые могутъ жить совершенно особо другъ отъ друга. Такъ, напримѣръ, существуютъ одновременно различныя растенія даже въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, но безъ всякой связи и общенія другъ съ

другомъ. Такъ существуютъ совершенно независимо другъ отъ друга одновременно и въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга различныя особи животныхъ разныхъ видовъ и даже одного и того-же вида.

Они въ данномъ случаѣ ведутъ обособленную жизнь. Но тѣ-же самыя особи растеній и животныхъ могутъ существовать совмѣстно, быть въ связи другъ съ другомъ, находиться во взаимномъ общеніи, жить общей жизнью. Это будетъ уже совершенно другой видъ со-существованія. Примѣры этого вида со-существованія мы видимъ въ самыхъ различныхъ формахъ сожитія растеній и животныхъ.

Простѣйшая форма подобнаго со-существованія есть конечно сожитіе растеній или животныхъ, происшедшее посредствомъ размноженія отдѣльныхъ особей. Въ животномъ мірѣ это явленіе особенно характерно проявляется въ существованіи семьи. Несравненно болѣе сложную форму со-существованія представляетъ собой цѣлый лѣсъ растеній, большая колонія или общество животныхъ. Наиболѣе развитою изъ различныхъ сложныхъ формъ со-существованія животныхъ является конечно политическое общество людей, образующее величественное государство или даже еще болѣе величественный союзъ цѣлаго ряда государствъ, занимающихъ нерѣдко значительную часть поверхности земного шара.

Впрочемъ явленіе сожитія и со-существованія свойственно не однимъ только растеніямъ и животнымъ. Въ видѣ существованія сростковъ кристалловъ самыхъ различныхъ минераловъ мы видимъ распространеніе этого явленія и на такъ называемый неорганическій міръ. И самое величественное зрѣлище явленія этого-же рода безспорно представляютъ собой различныя системы сообща существующихъ небесныхъ тѣлъ.

Это—цѣлые міры звѣздъ, планетъ, кометъ, изъ которыхъ каждый какъ-бы образуетъ особую семью или общество небесныхъ тѣлъ, зависящихъ другъ отъ друга во всѣхъ своихъ движеніяхъ.

Явленіе со-существованія, въ этой органической формѣ сожитія, настолько своеобразно и замѣчательно, что оно уже давно обратило на себя вниманіе ученыхъ представителей самыхъ различныхъ наукъ. Явленіемъ сожитія интересуется не только тотъ, кто посвятилъ себя изученію жизни человѣка. Этимъ явленіемъ весьма интересуются также и біологи, въ особенности зоологи. Многіе изъ послѣднихъ изучали общества животныхъ, существующія въ видѣ колоній и стадъ. По изученію этого вопроса уже имѣется цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій. Достаточно упомянуть

работы Эспинаса, Брема, Леббока, Льюиса Моргана, Гроса, Крапоткина, Вагнера и многихъ другихъ. За послѣднее время особое вниманіе привлекла къ себѣ психическая жизнь животныхъ. Это привело даже къ созданію особой научной дисциплины — зоо-психологіи. Изученіе своеобразнаго явленія сожитія и общенія животныхъ тоже вызываетъ потребность въ существованіи соотвѣтствующей соціологической дисциплины. Я имѣю въ виду зоо-соціологію, занимающуюся изученіемъ общественной жизни животныхъ. Но на томъ-же основаніи возможно и построеніе фито-соціологіи, т. е. науки, занимающейся изученіемъ растительныхъ обществъ. Нѣкоторыя въ своемъ изученіи явленія со-существованія идутъ еще далѣе. Такъ напр. Луи Бурдо, въ своемъ очеркѣ общей соціологіи, дѣлаетъ попытку построить цѣлую космо-соціологію. Онъ говоритъ о сожитіи, или симбіозѣ, различныхъ космическихъ тѣлъ и доходитъ до соціологіи кристалловъ и небесныхъ тѣлъ.

Я не хочу здѣсь говорить о томъ—насколько основательны подобныя попытки.—Равнымъ образомъ можно не касаться фито- и зоо-соціологіи, предоставляя ихъ вниманію любителей этихъ дисциплинъ. Но одного нельзя здѣсь не отмѣтить. Здѣсь невозможно не отмѣтить и не обратить вниманія на тотъ особый интересъ, какой очевидно имѣетъ явленіе со-существованія. Въ своей чрезвычайно своеобразной формѣ сожитія и общенія оно невольно приковываетъ къ себѣ умы не только представителей наукъ гуманитарныхъ, но и представителей самыхъ различныхъ областей естествознанія.

Очевидно это своеобразное явленіе вызываетъ самую настоятельную потребность въ его спеціальномъ изученіи. Всеобщая распространенность этого явленія еще болѣе усиливаетъ эту потребность. Въ особенности настоятельна конечно потребность въ изученіи общественной жизни людей. Послѣдняя кромѣ высокаго научнаго интереса имѣетъ еще и особо важное практическое значеніе. Но единственная наука, которая можетъ удовлетворить эту общественную потребность есть соціологія человѣка. Соціологія человѣка необходима. Она должна существовать. Исторія развитія вопроса о закономѣрности явленій общественной жизни показываетъ хорошо, что соціологія вполнѣ возможна, какъ наука. И если дѣлаются попытки создать зоо-соціологію, то только можно пожалѣть, что не прилагается болѣе энергичныхъ усилій къ научному построенію соціологіи, какъ науки о закономѣрности явленій общественной жизни людей.

Соціологія необходима. Она необходима не только потому, что своеобразныя явленія сожитія и общенія требуютъ особой

научной дисциплины для своего изученія. Соціологія необходима еще и въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что существующія общественныя науки занимаются изученіемъ самыхъ различныхъ сторонъ и областей общественной жизни. Но всѣ эти стороны и области суть лишь различныя стороны одной и той же общественной жизни, которая въ сущности едина и представляетъ собою нѣчто цѣльное. Различныя стороны и области общественной жизни людей находятся въ самой тѣсной и неразрывной связи и соотношеніи другъ съ другомъ и могутъ быть во всей своей полнотѣ изучены и правильно поняты лишь при изслѣдованіи ихъ въ ихъ естественной взаимной связи и соотношеніи. Жизнь можетъ быть вполнѣ правильно понята лишь во всемъ ея многообразіи, въ цѣлостномъ представленіи естественнаго соотношенія ея разнообразныхъ явленій. Такою наукой, которая разсматривала-бы общественную жизнь, взятую въ цѣломъ, во всей сложной совокупности и соотношеніи ея явленій, какъ разъ и является соціологія. Лишь она одна способна намъ дать правильныя понятія объ общественной жизни людей, взятой въ цѣломъ. Лишь она одна можетъ выяснить намъ должнымъ образомъ истинное соотношеніе различныхъ сторонъ и повторяющихся явленій общественной жизни. Лишь она одна можетъ правильнымъ образомъ установить ту закономѣрность общественной жизни, которая обусловливается необходимымъ соотношеніемъ различныхъ сторонъ и явленій общественной жизни.

Соціологія необходима. Соціологія возможна. Она уже существуетъ. Она имѣетъ всѣ данныя для своего плодотворнаго дальнѣйшаго развитія. Для этого раньше всего необходимо установить ея цѣли и задачи и выяснить средства ихъ осуществленія.

Но должнымъ образомъ понять и изучить общественную жизнь людей невозможно, не имѣя предварительно достаточно данныхъ о человѣкѣ и средѣ, въ которой онъ живетъ. Знаніе антропологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова и знаніе мезологіи составляютъ необходимѣйшія предпосылки соціологіи. Осуществленіе ея цѣлей и задачъ въ сильной степени облегчается предварительнымъ знакомствомъ съ человѣкомъ и окружающей его средой. Вотъ почему, раньше, чѣмъ говорить о явленіяхъ общественной жизни, необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о человѣкѣ, общественная жизнь котораго изучается, и о средѣ, въ которой эта жизнь происходитъ. Чтобы вполнѣ понять общественную жизнь людей, необходимо раньше всего знать ея условія. Это знаніе и составляетъ необходимѣйшую предпосылку соціологіи.

Для правильнаго представленія дѣла, каждый изучающій общественную жизнь людей, долженъ прежде всего усвоить, что она есть лишь частица жизни міровой. Закономѣрность явленій общественной жизни есть лишь частица закономѣрности всѣхъ естественныхъ явленій и обусловливается этой послѣдней. Вотъ почему необходимо сказать предварительно, хоть два слова, о нѣкоторыхъ общихъ естественныхъ законахъ, такъ какъ имъ слѣдуетъ вся міровая жизнь, а слѣдовательно и общественная жизнь людей.

Уже многіе мыслители и соціологи указывали на подобные всеобщіе универсальные законы, которые одинаково приложимы ко всѣмъ естественнымъ явленіямъ, а слѣдовательно и къ человѣку и къ общественной жизни людей. Таковъ, во-первыхъ, законъ развитія, указанный намъ еще древнимъ Гераклитомъ и разъясненный въ новѣйшее время многими мыслителями, изъ числа которыхъ нельзя не упомянуть цѣлаго ряда соціологовъ, начиная съ Кондорсе и кончая Спенсеромъ, марксистами и соціальными дарвинистами. Спенсеръ понималъ законъ развитія или эволюціи, какъ переходъ отъ простого къ сложному и отъ однороднаго къ разнородному, и прилагалъ это опредѣленіе къ пониманію явленій общественной жизни не въ меньшей степени, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ міровымъ явленіямъ. Марксисты, подобно Чернышевскому, до извѣстной степени повторяя Гегеля, говорятъ намъ о законѣ вѣчныхъ измѣненій, о безконечной смѣнѣ формъ, совершающейся въ общественной жизни столь-же постоянно, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни міровой. Другіе говорятъ намъ о статическихъ и кинетическихъ законахъ, которые господствуютъ въ общественной жизни людей не въ меньшей степени, чѣмъ среди другихъ естественныхъ явленій. Недаромъ Контъ и Кетле, оба называли науку о соціальныхъ явленіяхъ соціальной физикой и притомъ дали ей это названіе совершенно независимо другъ отъ друга. Очевидно, что каждый изъ нихъ совершенно самостоятельно пришелъ къ мысли о сходствѣ общественной системы съ извѣстнымъ механизмомъ. Впрочемъ Контъ, хотя и назвалъ соціологію соціальной физикой, понималъ соціальную систему не какъ механизмъ, а какъ организмъ. Почему и общіе законы, которымъ слѣдуетъ общественная жизнь, подобно всѣмъ другимъ естественнымъ явленіямъ, по Конту суть преимущественно законы біологическіе. Таковъ, напримѣръ, законъ раздѣленія труда между отдѣльными органами и клѣтками организма, законъ, который Контъ клалъ въ основу любого общественнаго строя и всѣхъ соціальныхъ отношеній. Правда,

Контъ сравнивалъ политику съ механикой, но думалъ онъ конечно несравненно болѣе о физіологіи и анатоміи общественнаго организма, чѣмъ о соціальной физикѣ.

Болѣе широко и болѣе правильно понималъ закономѣрность общественной жизни Кетле, который указывалъ на цѣлый рядъ физическихъ и механическихъ законовъ, которымъ слѣдуетъ и общественная жизнь. Таковы законы инерціи, передачи движеній на разстояніи, сжимаемости соціальныхъ тѣлъ, законъ соціальнаго равновѣсія, законъ сложенія и равнодѣйствующей соціальныхъ силъ и проч. Само собой разумѣется, что Кетле былъ далекъ отъ мысли ограничивать закономѣрность общественной жизни подобными физическими законами. Онъ больше всего стремился выяснить чисто соціологическіе законы общественной жизни путемъ совершенно самостоятельнаго статистико-соціологическаго изслѣдованія наиболѣе характерныхъ ея явленій. Но попутно онъ говорилъ и о „многочисленныхъ аналогіяхъ, существующихъ между принципами механическаго равновѣсія и движенія и равновѣсіемъ и движеніемъ въ нравственномъ мірѣ".

Конечно человѣкъ и общественная жизнь людей есть одно изъ безчисленныхъ естественныхъ явленій міра и, какъ таковое, неизбѣжно слѣдуетъ всѣмъ естественнымъ законамъ. Знаніе ихъ безусловно крайне важно и необходимо для правильнаго пониманія закономѣрности явленій общественной жизни. Естественно-научная подготовка въ высшей степени полезна каждому, изучающему общественную жизнь. Но, если общая естественно-научная подготовка такъ важна для соціолога, то тѣмъ болѣе важна для каждаго занимающагося общественными науками антропологическая подготовка.

Раньше, чѣмъ говорить объ общественной жизни людей и пытаться выяснить ея законы, надо имѣть правильное понятіе о самомъ человѣкѣ, общественная жизнь котораго изучается. Это знаніе человѣка и даетъ антропологія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Антропологію часто понимаютъ слишкомъ ограниченно. Анатомы и врачи склонны ограничивать ее соматологіей человѣка. Совсѣмъ иначе понимаютъ ее представители гуманитарныхъ наукъ, въ особенности въ англо-американскихъ странахъ. Они нерѣдко включаютъ въ антропологію всѣ науки, изучающія человѣка въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Такимъ образомъ предѣлы антропологіи расширяются до того, что она начинаетъ представлять собой обширнѣйшую область знанія, которая обнимаетъ всѣ общественныя науки и даже нѣкоторыя естественныя, начи-

ная съ анатоміи и физіологіи человѣка и кончая психологіей, археологіей, сравнительной исторіей, сравнительнымъ языкознаніемъ, правомъ и другими общественными, политическими и гуманитарными науками. Наконецъ, нѣкоторые понимаютъ подъ антропологіей естественно-научное ученіе о человѣкѣ, которое они готовы извѣстнымъ образомъ соединить съ исторіей культуры. Но для нашихъ цѣлей намъ важно знать не эти различія во взглядахъ на антропологію, а то, что могутъ дать соціологіи тѣ или другія науки, включаемыя въ сложный составъ антропологіи.

Для соціолога, изучающаго общественную жизнь людей и ея закономѣрность, необходимо, какъ уже было сказано, раньше всего имѣть правильное понятіе о человѣкѣ и о той средѣ, въ которой онъ живетъ. Для этого, съ одной стороны, и антропологіи недостаточно, потому что для знанія среды требуется знаніе и космографіи и географіи, геологіи и метеорологіи, ботаники и зоологіи. А съ другой стороны, въ особенности требуется знаніе физіологіи человѣка и психологіи, исторіи культуры и развитія техники, безъ которыхъ немыслимо составить правильное представленіе не только о современномъ человѣкѣ, но и о человѣкѣ какой бы то ни было эпохи.

Данный человѣкъ, безъ сомнѣнія, есть первое предварительное данное для изученія его общественной жизни, на любой ступени ея развитія. Второе предварительное данное есть та среда и тѣ условія, среди которыхъ человѣку приходится жить и общественной жизни—развиваться.

Точныя научныя данныя о человѣкѣ и условіяхъ его жизни и дальнѣйшаго развитія суть необходимыя предпосылки соціологіи. Вопросъ о томъ, что представляетъ собой человѣкъ вообще и, въ частности, люди, находящіеся на опредѣленной ступени своего общественнаго и личнаго развитія, какъ только что было упомянуто, даются физіологіей человѣка, психологіей и исторіей культуры.

Эти три области знанія даютъ намъ довольно полное понятіе о томъ, что представляетъ собой человѣческая жизнь на любой ступени ея развитія. А ученіе о человѣкѣ есть главнымъ образомъ ученіе о его жизни. Поэтому предполагая общія анатомическія и физіологическія данныя уже обще-извѣстными и установленными, намъ необходимо раньше всего остановиться на ученіи о жизни человѣка. Это ученіе должно являться главной цѣлью всей антропологіи. Другой болѣе высокой цѣли антропологія имѣть не можетъ. Этотъ вопросъ главный; остальные имѣютъ второстепенное значеніе.

Но что такое жизнь? Различныя опредѣленія существуютъ

на этотъ счетъ, изъ которыхъ многія весьма неопредѣленны и потому, или ничего не даютъ, или даютъ очень мало для пониманія и усвоенія того, что представляетъ собою человѣческая жизнь. Изъ числа этихъ опредѣленій имѣются такія, которыя получили общепризнанное научное значеніе. Таково, напримѣръ, извѣстное біологическое опредѣленіе—жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отправленій къ внѣшнимъ; или: жизнь есть приспособленіе организма къ внѣшней средѣ.—Но мнѣ думается, что изъ всѣхъ имѣющихся опредѣленій жизни существуетъ лишь одно, которое составляетъ исключеніе по своей реальности и по своему исключительно важному научному и даже практическому значенію вообще, а для соціологіи въ особенности. Это опредѣленіе: „*Жизнь есть удовлетвореніе потребностей*“.

Жизнь вообще есть удовлетвореніе потребностей, а человѣческая жизнь есть удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Въ этомъ—все содержаніе жизни, вся ея цѣль.

Да, если смотрѣть на жизнь совершенно объективно и реально, если понимать ее такъ, какъ намъ понимать ее велитъ научный реализмъ, то приходится признать, что и человѣческая жизнь не имѣетъ иной и высшей цѣли.

Жизнь есть самоцѣль. Жизнь не имѣетъ для человѣка иной высшей цѣли, кромѣ самой себя. И даже такъ называемая—жизнь для другихъ—не составляетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія, потому что даже для другихъ мы живемъ только потому, что мы не можемъ иначе жить для себя. Мы живемъ для другихъ, удовлетворяя собственную потребность въ этомъ. Мы отдаемся другому человѣку потому, что мы не можемъ ему не отдаваться. Мы отдаемся, исходя изъ нашихъ собственныхъ потребностей, потому что сами не можемъ жить безъ него, потому что жизнь съ нимъ является для насъ самой жгучей, самой необходимѣйшей потребностью. Мы отдаемся людямъ потому, что мы не можемъ жить безъ нихъ, потому что мы ихъ любимъ и чувствуемъ необходимую потребность отдаваться имъ въ силу своей любви, своей потребности помочь имъ. Вспомнимъ слова матери умершаго ребенка, повторяемыя Чернышевскимъ, этимъ знатокомъ жизни человѣческой *). „Какъ *я* тебя любила!... Какъ *я* ухаживала за тобой! Сколько страданій *ты* стоилъ *мнѣ*! Погибла въ тебѣ *моя* надежда, отнята у меня всякая радость?“ Чернышевскій подчеркиваетъ это постоянное употребленіе мѣстоименій,—*я*, *меня*, *мое*, *мнѣ*—

*) См. его «Антропологическій принципъ въ философіи». Совр. 1860. № 4 и 5, № 5 стр. 32, 33.

и истинное реальное значеніе даже беззавѣтной материнской любви вскрывается само собой. То же приходится сказать о другой любви одного человѣка къ другому, объ отношеніи къ своему возлюбленному. Стоитъ взять наиболѣе обычное народное выраженіе любящей жены, потерявшей своего мужа: „на кого ты *меня* покинулъ? что *я* буду дѣлать безъ тебя?“ То же самое относится и къ любви къ своему народу, къ своему классу, къ своей общественной группѣ, революціонной или консервативной безразлично. Своему народу отдамъ я жизнь, говоритъ вождь народа. Онъ скорѣе предпочитаетъ собственную гибель, чѣмъ разлуку съ своей страной. Безъ удовлетворенія своей потребности—жить для страны родной,—онъ не согласенъ жить. На слова о томъ, что члены Комитета во главѣ съ Робеспьеромъ ищутъ его смерти, Дантонъ безтрепетно отвѣчалъ: „Я предпочитаю быть жертвою лучше, чѣмъ палачомъ, къ тому-же жизнь моя не стоитъ защиты, а человѣчество мнѣ наскучило. Уѣхать! но развѣ можно унести родину на своихъ подошвахъ?“ Дантонъ кончилъ жизнь на эшафотѣ, потому что не могъ разстаться съ тѣмъ, что наиболѣе любилъ. За свою любовь къ странѣ родной, изъ-за своей потребности жить желательною политическою жизнью погибъ Дантонъ.

Въ своей замѣчательной статьѣ—„Антропологическій принципъ въ философіи“ — Чернышевскій выясняетъ психологическіе законы жизни людей. Онъ говоритъ: „Въ побужденіяхъ человѣка, какъ и во всѣхъ сторонахъ его жизни, нѣтъ двухъ различныхъ натуръ, двухъ основныхъ законовъ, различныхъ или противоположныхъ между собой... Все разнообразіе явленій въ сферѣ человѣческихъ побужденій къ дѣйствованію, какъ и во всей человѣческой жизни, происходитъ изъ одной и той-же натуры, по одному и тому-же закону“. Этотъ законъ Чернышевскій называетъ закономъ эгоизма.

Я знаю, что многіе возражали и будутъ возражать противъ этого ненравящагося имъ названія, ненравящагося, быть можетъ, по недоразумѣнію, или по тому нехорошему оттѣнку, какой придается этому слову въ обычной рѣчи. Но дѣло вѣдь не въ названіи, а въ сути дѣла. А сущность заключается въ томъ, что даже самая возвышенная человѣческая жизнь есть удовлетвореніе собственныхъ потребностей, потребностей, которыя многіе назовутъ, быть можетъ, высшими, но все же не лишатъ названія личныхъ потребностей, или самопотребностей. Вѣдь даже самопожертвованіе есть личная потребность и не опровергаетъ закона эгоизма, какъ самопотребности. Хотя-бы человѣкъ жертвовалъ собой для другого или для другихъ своей собственной жизнью, основаніемъ само-

пожертвованія, говоритъ намъ Чернышевскій, „служитъ личный расчетъ, или страстный порывъ эгоизма. О большей части случаевъ такъ называемаго самопожертвованія не стоитъ и говорить какъ о самопожертвованіи: имъ неприлично это имя. Жители Сагунта перерѣзались, чтобы не отдаться живыми въ руки Аннибала—геройство, достойное удивленія, но совершенно одобряемое эгоистическимъ расчетомъ: они привыкли жить свободными гражданами... Лукреція закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она также поступила очень расчетливо: что ожидало ее впереди?... при тогдашнихъ понятіяхъ... Лукреція справедливо нашла, что лишиться жизни составляетъ гораздо меньшую непріятность, чѣмъ жить въ положеніи унизительномъ по сравненію съ тѣмъ, къ какому они привыкла... Для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія". Правда, люди всѣ считаютъ, что самое цѣнное и дорогое, что существуетъ въ мірѣ, это—человѣческая жизнь. Мы любимъ жизнь больше всего. Но мы любимъ и цѣнимъ прежде всего такую жизнь, какой дѣйствительно стоитъ жить, какая удовлетворяетъ насъ, т. е. при которой могутъ быть удовлетворены, по крайней мѣрѣ, наши самыя существенныя потребности. Въ пониманіи и оцѣнкѣ желательной жизни различные люди конечно расходятся очень далеко.

Но какъ-бы люди ни расходились въ оцѣнкѣ значенія различныхъ человѣческихъ потребностей, въ одномъ они сходятся всегда, хотя, быть можетъ, часто и совершенно безсознательно. Всѣ люди чувствуютъ одно: человѣческая жизнь есть величайшее благо и заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ желательномъ удовлетвореніи потребностей. Въ дѣйствительности никакая жизнь не имѣетъ другой цѣли, такъ какъ жизнь, какъ сказано, есть самоцѣль. Вотъ почему, говоря словами Чернышевскаго, мы такъ сильно любимъ жизнь; любимъ во-первыхъ, желательную жизнь, т. е. такую, какою намъ хочется жить, а потомъ—и всякую жизнь, потому что громадному большинству людей думается, что жить лучше, чѣмъ не жить. Недаромъ все живое любитъ жизнь и страшится небытія.

Удовлетвореніе потребностей естественно приноситъ намъ чувство удовлетворенности. Это пріятное намъ чувство при высшей степени удовлетворенія нашихъ потребностей принимаетъ форму наслажденія. Оно можетъ доходить до невыразимаго блаженства. Наоборотъ, неудовлетвореніе потребностей и желаній столь-же естественно сопровождается чувствомъ неудовлетворенности. Послѣднее непріятно намъ. И эта непріятность измѣняетъ свою силу въ зависимости отъ степени неудовлетворенія потреб-

ностей. Достигшее извѣстной степени, оно принимаетъ форму страданія и можетъ доходить до невыносимой муки.

Человѣческія потребности различны, какъ различны выражающія ихъ желанія людей. Человѣческія потребности разнообразны и число ихъ безпредѣльно. Желанія людей могутъ быть противорѣчивы, могутъ сталкиваться, противодѣйствовать одно другому. И когда противорѣчивыя желанія достигаютъ степени непреодолимыхъ страстей, онѣ могутъ, какъ говорится, буквально раздирать человѣческую душу на части и такимъ образомъ причинять человѣку, обуреваемому противорѣчивыми страстями, самую мучительную боль. Казалось-бы, что человѣкъ, обладающій, какъ говорятъ, свободной волей, въ состояніи по собственному желанію задавить или дать дорогу любому изъ своихъ желаній и страстей и такимъ образомъ освободить себя отъ мучащихъ его сомнѣній и страданій. Къ сожалѣнію, дѣйствительная жизнь подавляющаго числа людей показываетъ, что на самомъ дѣлѣ это совершается не такъ. Обуреваемый всесильными страстями, человѣкъ обыкновенно бываетъ ихъ рабомъ и произвольнаго выбора желаній для него не существуетъ. Въ данномъ случаѣ человѣкъ всегда повинуется извѣстному психологическому закону и этотъ законъ по опредѣленію Чернышевскаго гласитъ: „сильнѣйшая страсть всегда побѣждаетъ стремленіе менѣе сильное и приноситъ его себѣ въ жертву".

Но что такое есть стремленіе и страсть, какъ не стремленіе удовлетворить свое желаніе—потребность?

Теорію потребностей — желаній, въ формѣ теоріи страстей, развивали многіе, начиная съ древнихъ классическихъ писателей, которые говорили, что желаніе, страсть есть ненасытный звѣрь. Въ новѣйшее время теорію страстей, выраженную въ очень яркой формѣ и съ необыкновенной силой, далъ Шарль Фурье. Огюстъ Контъ, въ особенности во второй періодъ своей умственной дѣятельности, тоже развивалъ теорію господства чувствъ. Контъ придавалъ особо важное значеніе эмоціямъ и говорилъ, что на самомъ дѣлѣ чувства, а не разумъ руководятъ людьми. Въ самое послѣднее время эта теорія возродилась въ совершенно новой формѣ въ лицѣ современнаго психологическаго направленія въ соціологіи. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлали американскіе соціологи, начиная съ основателя американской школы Лестера Уорда, и кончая Симономъ Паттеномъ, Албіономъ Смолломъ, Эдуардомъ Россомъ, Штукенбергомъ и другими.

Желанія и страсти двигаютъ людьми. Эту истину вѣроятно никто не станетъ отрицать. Равнымъ образомъ, по всей вѣроят-

ности, всѣ согласятся съ тѣмъ, что желанія и страсти суть показатели потребностей и нуждъ, суть силы, двигающія людьми и постоянно побуждающія ихъ къ различнымъ видамъ жизнедѣятельности. Соціологи американской психологической школы даже преувеличиваютъ значеніе этихъ силъ, двигающихъ каждою отдѣльною личностью. Американскіе соціологи психологическаго направленія называютъ индивидуальныя желанія людей силами общественными, или соціальными. Это — явная несообразность и злоупотребленіе словами, о чемъ будетъ сказано въ надлежащемъ мѣстѣ.

Подобно Шарлю Фурье, Лестеръ Уордъ и Симонъ Паттенъ дали свои теоріи индивидуальныхъ побужденій людей. Выдвинувъ на первый планъ психологію чувствованій, удовольствій и страданій, и, строя на этомъ психологическомъ основаніи свою соціологію, они невольно превращали ее въ какой-то придатокъ психологіи.

Однако, несмотря на всѣ ошибки американскихъ соціологовъ психологическаго направленія, нельзя не признать ихъ крупныхъ заслугъ въ дѣлѣ выясненія одной изъ необходимѣйшихъ предпосылокъ соціологіи. Одна изъ заслугъ американскихъ соціологовъ состоитъ въ томъ, что они поняли то первостепенное значеніе, какое имѣетъ въ жизни людей дѣйствительное соотношеніе человѣческихъ желаній и потребностей. Впрочемъ, на важность этого вопроса указывали въ свое время и другіе писатели. Такъ напр. изъ числа русскихъ писателей на извѣстное соотношеніе потребностей указывалъ тотъ-же Чернышевскій, клавшій въ основу теоріи цѣнности классификацію человѣческихъ потребностей.

Американскіе соціологи, тоже пытались дать соотвѣтствующую классификацію психическихъ силъ, или чувствованій. Къ сожалѣнію, ихъ классификація далека отъ совершенства. Здѣсь конечно не мѣсто останавливаться на этихъ психологическихъ классификаціяхъ и выяснять ихъ недочеты. Но здѣсь слѣдуетъ указать на то значеніе, какое можетъ и должна получить правильная научная классификація человѣческихъ потребностей для выясненія дѣйствительнаго соотношенія различныхъ сторонъ жизни человѣка.

Потребности суть силы, приводящія въ движеніе каждаго отдѣльнаго человѣка и дѣйствіе этихъ силъ можетъ упорядочиваться лишь постоянствомъ необходимаго ихъ соотношенія. Ихъ дѣйствительное соотношеніе опредѣляетъ всю жизнь всякаго отдѣльнаго человѣка, опредѣляетъ всю его человѣческую личность,

весь его нравственный обликъ, все его существо и истинную его физіономію. Однимъ словомъ соотношеніе потребностей опредѣляетъ то, что Гербертъ Спенсеръ называлъ соціальнымъ атомомъ или клѣткой соціальнаго тѣла. Само собой разумѣется, что дѣйствительное соотношеніе потребностей у одного человѣка можетъ быть нѣсколько отличнымъ отъ соотношенія потребностей другого человѣка. Въ этомъ и выражается главное различіе между людьми даже входящими въ составъ одного и того же человѣческаго общества. Всѣ личныя отношенія людей опредѣляются тѣмъ соотношеніемъ потребностей, которое какъ бы составляетъ истинную природу каждой отдѣльной личности. Вотъ почему вслѣдъ за Монтескье мы можемъ говорить, что законы, выражающіе необходимыя отношенія людей, вытекаютъ изъ самой ихъ природы. Къ сожалѣнію, физіологія и психологія до сихъ поръ еще не установили должнымъ образомъ классификаціи и наиболѣе обычнаго, наиболѣе часто повторяющагося, соотношенія человѣческихъ потребностей. А съ другой стороны нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что надлежащее выясненіе этого вопроса есть настоящій физіолого-психологическій ключъ къ пониманію личной жизни и личныхъ отношеній людей. Изъ всего только что сказаннаго должно быть ясно, что первая и необходимѣйшая предпосылка соціологіи дается физіологіей и психологіей человѣка.

Человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности, какъ и всякое другое живое и дѣятельное существо, съ помощью личной дѣятельности и общенія съ другими. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи такъ же разнообразна, какъ и его общеніе. Въ области экономической, трудовой жизни дѣятельность и общеніе людей имѣютъ одинъ видъ и значеніе. Въ области брачной жизни они иныя. Въ области эмоціональной, умственной, эстетической дѣятельность и общеніе людей не менѣе своеобразны. Но самымъ замѣчательнымъ и характернымъ выраженіемъ дѣятельности человѣка служитъ творчество. Творчество можетъ быть единоличнымъ. Оно можетъ быть и совокупнымъ. Это зависитъ отъ того, дѣйствуетъ ли человѣкъ одинъ или сообща съ другими, творитъ ли онъ одинъ или совмѣстно, находясь въ творческомъ общеніи съ другими. Творчество и общеніе суть главнѣйшія и необходимѣйшія условія человѣческой жизни какъ удовлетворенія потребностей. И можно съ полнымъ правомъ сказать, что творчество и общеніе съ цѣлью удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей и составляютъ настоящее содержаніе человѣческой жизни.

Но творчество и общеніе людей, какъ и сами потребности ихъ, а равно и способы удовлетворенія потребностей, главнымъ

образомъ зависятъ отъ физическаго и психическаго развитія самого человѣка, зависятъ отъ того культурнаго и общественнаго развитія, на которомъ человѣкъ находится. Отсюда дѣлается ясно, что вторая необходимая предпосылка соціологіи дается исторіей человѣческой культуры. Дѣло въ томъ, что для выясненія различныхъ сторонъ общественной жизни совершенно недостаточно знать, что представляетъ собой человѣкъ вообще, какъ какое то отвлеченное существо, находящееся внѣ времени и пространства. Для выясненія различныхъ явленій соціальной жизни людей необходимо знать—на какой культурной ступени они находятся. Человѣкъ вообще, человѣкъ какъ предметъ физіологіи и психологіи, есть слишкомъ недостаточное данное для соціологіи, въ особенности для разрѣшенія ея практическихъ задачъ. Для дѣйствительнаго пониманія явленій общественной жизни необходимо не только знать, что представляетъ собой человѣкъ вообще, но и то, что представляетъ собой данный историческій человѣкъ, стоящій на опредѣленной ступени развитія культуры.

Наконецъ крайне важно знать тѣ условія, при которыхъ развивается изучаемая общественная жизнь. Человѣкъ на всѣхъ ступеняхъ своего культурнаго развитія находился въ томъ или другомъ отношеніи къ окружающей природѣ. Отношеніе человѣка къ окружающей природѣ зависѣло всегда отъ того, что представлялъ собою онъ самъ, какъ творческая сила, какъ существо способное защищаться, бороться и даже подчинять себѣ окружающую природу.

Возможность что-нибудь создать зависитъ конечно отъ способностей людей къ творческой дѣятельности въ одиночку и сообща. А подчиненіе природы человѣкомъ обусловлено его умѣніемъ пользоваться различными природными средствами и съ ихъ помощью создавать себѣ новыя болѣе благопріятныя условія жизни и даже подчинять себѣ природу. Такъ первобытный человѣкъ, кажущійся намъ совершенно безпомощнымъ существомъ по сравненію съ окружающей его природой, умѣлъ все-таки пользоваться камнемъ и деревомъ въ такой степени, чтобы быть въ состояніи, совмѣстно съ другими и даже въ одиночку, нападать на звѣрей болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ самъ, и пользоваться ихъ мясомъ. Употребленіе огня есть, безспорно, одно изъ величайшихъ человѣческихъ открытій, если только оно не было сдѣлано, какъ утверждаютъ нѣкоторые, вымершимъ предкомъ человѣка. Открытіе употребленія огня происходитъ очень рано и очень сильно измѣняетъ всѣ условія жизни человѣка.

Огонь есть новое оружіе людей въ ихъ борьбѣ съ другими

животными, боящимися огня. Огонь есть для человѣка средство защитить себя отъ холода и тѣмъ самымъ устоять противъ суровостей погоды. Съ помощью огня человѣкъ можетъ валить огромныя деревья, превращать лѣса въ поля и тѣмъ самымъ измѣнять окружающую среду. Великое значеніе открытія употребленія огня было понято очень давно. Недаромъ древніе греки приравнивали начало употребленія огня къ побѣдѣ надъ богами. Недаромъ они прославляли Прометея, какъ спасителя людей. Употребленіе огня дѣйствительно имѣло для людей значеніе побѣды надъ самой природой. Дальнѣйшее развитіе жилища, прирученіе животныхъ и воздѣлываніе растеній имѣло подобное же значеніе. Развитіе техники не только давало человѣку средства улучшить условія своей жизни, давало новыя орудія труда, новое оружіе для борьбы съ окружающей природой, съ условіями мѣстности, климата, растительной и животной средой. Развитіе техники давало человѣку возможность не только измѣнять природныя условія своей жизни, но и создавать совершенно новыя условія существованія, сообразно своимъ нуждамъ и потребностямъ. Развитіе техники дало людямъ возможность создавать искусственную среду, замѣняющую собой среду природную. Въ этомъ и заключается между прочимъ значеніе человѣческой культуры. Впрочемъ, главнѣйшее ея значеніе заключается въ измѣненіи самого человѣка, который постепенно превращался изъ первобытнаго звѣроподобнаго дикаря, поклонника природы, въ современнаго цивилизованнаго и суроваго ея эксплуататора.

Каждая ступень развитія культуры обусловливаетъ существованіе совершенно опредѣленнаго типа людей. Недаромъ различаютъ охотничьи племена, дикія и варварскія, племена пастушескія, народы земледѣльческіе, торговые, промышленные. Недаромъ говорятъ объ опредѣленномъ общественномъ и историческомъ типѣ бродячаго первобытнаго охотника и собирателя плодовъ дико-растущихъ растеній, о типѣ кочующаго скотовода и варварскаго земледѣльца, о типѣ болѣе развитого земледѣльца, окончательно осѣвшаго на опредѣленномъ участкѣ земли, о типѣ средневѣкового торговца и ремесленника, о типѣ современнаго промышленника, капиталиста, рабочаго и проч. Каждый изъ этихъ общественныхъ типовъ историческихъ людей представляетъ собою вполнѣ опредѣленное соціологическое данное. Отсюда ясно, какое важное значеніе имѣетъ знаніе того, къ какой ступени культурнаго и общественнаго развитія принадлежитъ данный человѣкъ, общественную жизнь котораго мы хотимъ изучать.

Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что знаніе человѣка

на любой ступени его развитія дается намъ антропологіей, если понимать подъ этимъ словомъ всю совокупность гуманитарныхъ наукъ. Но для соціолога, изучающаго общественную жизнь людей для выясненія ея закономѣрности, этихъ данныхъ недостаточно. Соціологу необходимо еще знать и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ даннымъ людямъ приходится вести свою жизнь. Правда, въ настоящее время человѣкъ уже въ значительной степени самъ творитъ окружающую его среду. Но создаваемая имъ среда еще не замѣнила и никогда не замѣнитъ вполнѣ среды природной. Значеніе природной среды вначалѣ было подавляющимъ и останется всегда очень большимъ. Отсюда ясна вся важность изученія среды, важность ученія о средѣ, или такъ называемая мезологія, наука о средѣ, обусловливающей существованіе и развитіе любого человѣческаго общества.

Соціологическое значеніе среды было понято давно. На него указывали еще древніе писатели. О значеніи географической среды говорилъ еще въ средніе вѣка Ибнъ-Халдунъ. О значеніи мѣстныхъ условій для общественной жизни людей писалъ Боденъ, бывшій въ этомъ отношеніи, подобно Ибнъ-Халдуну, предтечей Монтескье. Но послѣдній придавалъ географической и климатической средѣ особо важное значеніе. Въ новѣйшее время оно было выдвинуто съ особенной силой Боклемъ и такъ называемой антропогеографической школой.

Каждому должно быть ясно, какое великое значеніе имѣетъ географическая, растительная, животная и этническая среды для образа жизни людей. Всѣмъ извѣстно, что первобытный человѣкъ, жившій среди лѣсныхъ пространствъ, изобилующихъ всевозможною дичью, былъ принужденъ вести бродячій охотничій образъ жизни. Не менѣе извѣстно, что обитатели прибрежныхъ полосъ столь-же неизбѣжно были принуждаемы становиться рыболовами. Обитатели степныхъ пространствъ, изобилующихъ стадами животныхъ, легко поддающихся прирученію, стали скотоводами, а жители плодородныхъ земель превратились въ земледѣльцевъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ сельскаго образа жизни, раздѣленія труда, обмѣна и торговли, жители въ зависимости отъ мѣстныхъ условій обращались къ торговлѣ и къ промышленности. Извѣстно, что каждый родъ промышленности развивается особенно легко въ той мѣстности, въ которой имѣются особо благопріятныя условія для даннаго промышленнаго образа жизни населенія. Недаромъ мы говоримъ о каменно-угольныхъ бассейнахъ, о раіонахъ текстильной промышленности, о золотоносныхъ и нефтеносныхъ странахъ и проч.

Всякій образъ жизни людей есть не что иное, какъ опредѣленная форма обезпеченія людьми своихъ потребностей. Всякій образъ жизни неизбѣжно налагаетъ на людей свой характерный отпечатокъ. Создаетъ соотвѣтственный общественный типъ. Таково соціологическое значеніе любого образа жизни, который, какъ сказано, есть извѣстная форма жизни людей, опредѣляемая двумя условіями: уровнемъ культурнаго развитія человѣка и окружающей средой.

Таковы данныя, знаніе которыхъ оставляютъ необходимѣйшія предпосылки соціологіи. Объ одной изъ нихъ было уже сказано достаточно. О другой необходимо сказать еще нѣсколько словъ.

Только что говорилось объ экономическомъ значеніи окружающей среды для образа жизни человѣка. Но не меньшее значеніе имѣетъ она и для политическаго быта. Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи въ древности могла служить изрѣзанная морями классическая Грецiя, а въ новѣйшее время Голландія и другія страны. Поучительный примѣръ даетъ и Швейцарія, независимое политическое развитіе которой было обезпечено естественною защитою гористой мѣстности. Это же можетъ быть сказано и относительно Черногоріи и Абиссиніи. Свободная Англія говоритъ намъ о политическомъ значеніи условій островной земли. И о томъ-же самомъ говоритъ Японія. Примѣръ Россіи уясняетъ значеніе обширныхъ низменностей и равнинъ. Распадающаяся Турція какъ-бы иллюстрируетъ значеніе разнородности природныхъ и этнографическихъ условій ея различныхъ мѣстностей.

Но значеніе окружающей среды (географической, климатической, растительно-животной и наконецъ этнической среды сосѣдей) далеко не ограничивается экономическою и политическою сторонами жизни людей. Окружающая среда оказываетъ свое неотразимое вліяніе и на другія стороны жизни людей, она безспорно вліяетъ даже на самый ихъ характеръ. Доказательствомъ можетъ служить различіе характеровъ горячаго южанина и холоднаго сѣверянина, разсудительнаго англичанина и пылкаго испанца, жизнерадостнаго итальянца и сумрачнаго финляндца. Даже въ различіяхъ темпераментовъ русскаго и поляка, великоросса и малоросса сказываются, быть можетъ, нѣкоторыя особенности мѣстныхъ условій. Все только сказанное дѣлаетъ вполнѣ яснымъ, какое большое значеніе для соціолога имѣетъ мезологія или наука о средѣ, которая окружаетъ жителей любой мѣстности и обусловливаетъ ихъ жизнь.

Человѣкъ и среда вотъ тѣ два данныя, предварительное знаніе которыхъ необходимо для желающаго изучить и должнымъ образомъ понять общественную жизнь людей. Знаніе человѣка, стоящаго на той или другой ступени своего культурнаго развитія, и знаніе среды, которая обусловливаетъ это развитіе, суть двѣ необходимѣйшія предпосылки соціологіи.

Первая предпосылка дается антропологіей, вторая — мезологіей. Но конечно ни антропологія, ни мезологія, ни отдѣльно, ни совмѣстно, никакимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить собой соціологію.

Соціологія есть совершенно особая наука о закономѣрности общественной жизни. Она изучаетъ своеобразныя явленія, которыхъ не можетъ изучать ни антропологія, ни мезологія. Соціологія изслѣдуетъ общественную жизнь людей взятую въ цѣломъ, въ цѣлостномъ соотношеніи всѣхъ ея сторонъ, всѣхъ ея явленій. Она стремится установить ихъ соотношеніе, которое обусловливаетъ собою закономѣрный ходъ общественной жизни. Для достиженія этихъ цѣлей соціологія пользуется соотвѣтствующими пріемами научнаго изслѣдованія.

IV.

Задачи и методы соціологіи.

Цѣль соціологіи — изученіе общественной жизни взятой въ цѣломъ и выясненіе ея закономѣрностей.

Изученіе общественной жизни предполагаетъ ея анализъ, научное изслѣдованіе ея разнообразныхъ явленій.

Установленіе закономѣрностей общественной жизни предполагаетъ изслѣдованіе необходимыхъ соотношеній между различными ея явленіями.

Такимъ образомъ, задачи соціологіи суть:

1) Анализъ общественной жизни и изученіе отдѣльныхъ ея явленій.

2) Выясненіе соотношенія соціальныхъ явленій и установленіе закономѣрности общественной жизни.

Для достиженія своихъ цѣлей и правильнаго рѣшенія своихъ задачъ соціологія должна пользоваться соотвѣтствующими средствами. Эти средства могутъ быть обезпечены съ помощью надлежащихъ научныхъ пріемовъ и методовъ, которые отчасти общи методамъ другихъ наукъ, отчасти имѣютъ нѣкоторую своеобразность. Обратимся къ выясненію того, какими способами соціологія разрѣшаетъ свои задачи.

Многіе пріемы и способы соціологической работы суть обычные пріемы научнаго изслѣдованія. Таковы: наблюденіе, анализъ, сравненіе, классификація и опытъ.

Наблюденіе всегда было главнѣйшимъ и самымъ обычнымъ способомъ изученія явленій общественной жизни. Въ древности имъ широко пользовался Аристотель, а въ новѣйшее время—большинство обществовѣдовъ. Лепле и его ученики пытались даже построить свою соціальную науку почти исключительно съ помощью научно-монографическаго наблюдательнаго метода.

Анализъ общественной жизни былъ провозглашенъ тѣмъ же Аристотелемъ. Аристотель училъ: „Какъ въ другихъ областяхъ знанія, такъ и въ области изученія политическаго общества, сложное необходимо сегда разлагать на простые элементы или наименьшія части цѣлаго“).

Съ помощью аналитическаго метода достигнута высокая степень спеціализаціи не только въ области изученія соціальныхъ явленій, но и въ другихъ областяхъ знанія. Міръ безграниченъ въ безконечности своихъ разнообразныхъ явленій, а наши познавательныя силы, наоборотъ, очень ограничены. Въ силу этого, спеціализація оказывается неизбѣжной въ каждой области знанія. Задача соціологіи—изученіе общественной жизни взятой въ цѣломъ—особенно широка. Вотъ почему въ соціологіи аналитическій методъ получаетъ особо-важное значеніе. Мы можемъ понять всю сложность общественной жизни, лишь разлагая ее на ея естественные составные элементы и изучая ея отдѣльныя явленія. Но вполнѣ правильно понять ихъ мы можемъ, лишь изучая ихъ въ ихъ естественной взаимной связи и необходимомъ соотношеніи. Сочетаніе анализа съ синтезомъ даетъ намъ эту возможность.

Классификація тоже можетъ быть названа однимъ изъ важнѣйшихъ соціологическихъ пріемовъ. Подобно другимъ методамъ и этотъ методъ широко примѣнялся Аристотелемъ. Доказательствомъ можетъ служить его Политика. Она даетъ первую научную классификацію политическихъ обществъ и различныхъ формъ властвованія того времени. Въ новѣйшее время, значеніе научной классификаціи явленій общественной жизни, какъ и значеніе наблюдательнаго метода, было выдвинуто французскою соціологическою школою Ле-Пле, а также цѣлымъ рядомъ соціологовъ самыхъ различныхъ странъ (Гербертомъ Спенсеромъ, Альфредомъ Постомъ, Эмилемъ Дюркгеймомъ и многими другими).

Опытъ обыкновенно считался совершенно непримѣнимымъ способомъ изслѣдованія явленій общественной жизни. Однако, политическіе опыты надъ общественною жизнью народовъ давно уже производятся правительствами самыхъ различныхъ странъ. И именно на этой почвѣ создалась впервые и сама политическая наука, какъ искусство управлять общественною жизнью людей. Политики самыхъ различныхъ временъ неоднократно пытались построить политическую жизнь на разумномъ основаніи. Многіе изъ нихъ мечтали о созданіи идеальнаго государства. Изъ древнихъ проэктовъ, проэктъ Платона конечно можно считать наиболѣе замѣча-

*) Πολιτικων Ed Susemihc A. 1. 3.

тельнымъ. Аристотель, относившійся отрицательно къ идеямъ своего учителя Платона, не высказывалъ отрицательнаго отношенія къ политическому опыту и считалъ государство цѣлесообразнымъ общественнымъ явленіемъ. Политику Аристотель считалъ искусствомъ, основаннымъ на точномъ знаніи природы человѣка и закономѣрныхъ явленій общественной жизни. Деспоты всѣхъ временъ, начиная съ древнихъ фараоновъ, вавилонскихъ и ассирійскихъ царей, китайскихъ и римскихъ императоровъ и кончая новѣйшими обладателями деспотической верховной власти, продѣлывали всевозможные эксперименты надъ самыми различными сторонами жизни подчиненныхъ имъ народовъ. Въ эпоху Возрожденія, отцы-іезуиты производили опыты государственнаго коммунизма надъ несчастными краснокожими жителями Парагвая. Идея солнечнаго государства, восхищавшая Кампанеллу, казалась осуществимою. И чего только не дѣлалось испанцами, португальцами, голландцами и англичанами надъ подчиняемыми народностями Азіи, Африки, Америки, Австраліи и острововъ Великаго океана. Англійская колоніальная политика въ особенности богата различными политическими опытами, которые производились англійскимъ правительствомъ надъ подчиненнымъ ему населеніемъ, начиная съ различныхъ попытокъ привить англійскую культуру покореннымъ народностямъ, преобразовать формы ихъ хозяйственной жизни, вѣрованій и понятій и т. д. и кончая выселеніемъ туземцевъ въ другія мѣстности. Конечно всѣ эти опыты производились съ цѣлями, не имѣющими ничего общаго съ соціальной наукой и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы соціологическими опытами. Но тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ безспорно имѣютъ научный интересъ и важное соціологическое значеніе. Это относится въ особенности къ новѣйшей колоніальной политикѣ Англіи и къ общественному самоуправленію другихъ политически наиболѣе развитыхъ странъ Европы, Америки, Австраліи и Новой Зеландіи. Реформы, производимыя въ нихъ по рѣшенію общественной власти, послѣ предварительнаго научнаго изученія вопроса и при опредѣленныхъ условіяхъ, во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ собою научные опыты. Это въ особенности относится къ такъ называемымъ пробнымъ реформамъ, проводимымъ въ различныхъ областяхъ общественнаго мѣстнаго самоуправленія. Эти пробныя реформы иногда имѣютъ характеръ настоящихъ соціальныхъ опытовъ, производимыхъ при условіяхъ, зависящихъ отъ общественной власти. Такой характеръ имѣютъ различныя общественныя мѣропріятія въ дѣлѣ народнаго образованія, въ школьномъ дѣлѣ, а также

нѣкоторыя мѣры экономической политики правительства. Но еще болѣе приближаются къ соціологическому опыту тѣ эксперименты, которые производятся надъ подневольнымъ населеніемъ тюремъ, рабочихъ и военныхъ казармъ при искусственныхъ условіяхъ, устанавливаемыхъ властями, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда въ своихъ соціальныхъ экспериментахъ администрація основывается на научныхъ данныхъ статистики и соціологіи. То же слѣдуетъ сказать и о нѣкоторыхъ общественныхъ мѣропріятіяхъ въ области школьнаго дѣла.

Новѣйшая правительственная дѣятельность въ цѣломъ рядѣ передовыхъ странъ опирается въ своихъ мѣропріятіяхъ не только на научныя статистическія данныя, но иногда и на настоящіе соціальные эксперименты, производимые при избранныхъ условіяхъ. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя экономическія мѣропріятія власти, какъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и центральной власти. Реформы, производимыя въ дѣлѣ народнаго образованія, находящагося въ рукахъ общественной власти, а также опытныя мѣропріятія надъ тою частью населенія (солдаты, заключенные и пр.), которая поставлена въ опредѣленныя условія жизни, зависящія отъ той-же власти, безспорно имѣютъ иногда значеніе настоящихъ опытовъ, какъ и другіе правительственные эксперименты, производимые при условіяхъ, которые до извѣстной степени могутъ быть избраны и измѣнены самимъ экспериментаторомъ. Какое же право имѣемъ мы считать соціологическіе опыты совершенно невозможными? Если они и не производились до сихъ поръ, то это все же не позволяетъ намъ утверждать, что они невозможны и въ будущемъ.

Наблюденіе, анализъ, сравненіе, классификація и опытъ суть обычные пріемы работы, общіе всѣмъ наукамъ. Спрашивается: какую особенность представляютъ собою методы соціологіи? Уже изъ перечисленія только что названныхъ обычныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія дѣлается яснымъ, что методъ соціологіи есть методъ индуктивно-дедуктивный, т. е. есть выводъ изъ извѣстныхъ истинъ, устанавливаемыхъ на основаніи наведенія, даваемаго наблюденіемъ, анализомъ, сравненіемъ, классификаціей и даже опытомъ. Индуктивно-дедуктивный методъ есть методъ общій всѣмъ наукамъ, хотя, быть можетъ, въ каждой изъ нихъ онъ имѣетъ свою особенность.

Особенность индуктивно-дедуктивнаго соціологическаго метода заключается во-первыхъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ онъ является не только сравнительно-аналитическимъ, но и, какъ на это указалъ еще Контъ, методомъ сравнительно-историческимъ,

или, какъ понималъ этотъ методъ Гербертъ Спенсеръ, методомъ эволюціоннымъ, или, наконецъ, какъ понимали его Марксъ, Энгельсъ и марксисты, методомъ діалектическимъ.

Индуктивно-дедуктивный, сравнительно-историческій, эволюціонный, діалектическій методъ есть въ сущности старый методъ, которымъ еще пользовался Аристотель и пользовался очень широко въ своихъ изслѣдованіяхъ различныхъ явленій общественной и политической жизни. И даже первое опредѣленіе этого метода принадлежитъ все тому же геніальному мыслителю и ученому, представителю научнаго реализма древности, основоположнику обществознанія и настоящему отцу нашей общественной науки. Аристотель намъ говоритъ: „Тотъ, кто разсматриваетъ вещи въ ихъ происхожденіи и развитіи, все равно, будетъ то политическое общество, или что-нибудь другое, можетъ лучше всего судить о нихъ.“ Эти слова намъ даютъ не только ясное понятіе объ эволюціонномъ методѣ, но и выясняютъ его огромное научное значеніе.

Однако раньше, чѣмъ говорить объ эволюціонномъ методѣ, необходимо сказать хоть пару словъ о методѣ историческомъ и сравнительно-историческомъ. Сдѣлать это необходимо, во-первыхъ, потому, что послѣ Аристотеля, который тоже пользовался сравнительно - историческимъ методомъ, сравнительно - историческій методъ былъ раньше всего указанъ, какъ научный методъ, въ особенности годный для изслѣдованія закономѣрности явленій общественной жизни. На этотъ методъ обращалъ вниманіе и Контъ.

„Сравнительный методъ въ примѣненіи его къ соціологіи“, писалъ Огюстъ Контъ, „заключается, главнымъ образомъ, въ сближеніи соціальной жизни народовъ, существующихъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ земного шара“. Это опредѣленіе сравнительнаго метода Контомъ, правда, не вполнѣ удовлетворительно. Потому что, какъ это было выяснено новѣйшими обществовѣдами, для правильности и плодотворности сравненія, необходимо сравнивать лишь явленія одного и того же класса и порядка. Сравнивать конечно можно и различные народы, но стоящіе на одинаковыхъ ступеняхъ развитія, или, наоборотъ, различныя ступени развитія того же самаго народа. Но этотъ сравнительный методъ, когда мы прилагаемъ его къ сравненію различныхъ человѣческихъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, является обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и методомъ историческимъ, значеніе котораго для обществовѣдѣнія Контъ также указалъ. „Методъ историческій“, писалъ Контъ, „составляетъ

единственную основу, на которой можетъ опираться система политической логики". „Историческое сравненіе послѣдовательныхъ состояній человѣчества служило основнымъ научнымъ орудіемъ соціологіи, его примѣненіе составляетъ основу этой науки"... Въ этихъ словахъ заключается даже нѣкоторое явное преувеличеніе значенія для соціологіи сравнительно-историческаго метода, который Контъ считалъ почти единственнымъ научнымъ методомъ соціологіи, совершенно забывая о другихъ возможныхъ методахъ и игнорируя даже методъ статистическій, который былъ указанъ въ его время Адольфомъ Кетле.

Сравнительно-историческій методъ получилъ особо-важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ началось сравнительное изученіе исторіи различныхъ общественныхъ учрежденій. Въ русской литературѣ особенное вниманіе было на него обращено М. М. Ковалевскимъ *). При этомъ было указано и условіе правильнаго пользованія этимъ методомъ. Условіемъ его надлежащаго употребленія является извѣстное ограниченіе пользованія имъ. Сравнительно-историческимъ методомъ можно пользоваться лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сравненіи общественныхъ формъ и учрежденій, хотя бы онѣ принадлежали и совершенно различнымъ человѣческимъ обществамъ, но непремѣнно находящимся на одинаковыхъ ступеняхъ обшественнаго развитія. Или наоборотъ, можно сравнивать общественныя учрежденія, соотвѣтствующія различнымъ ступенямъ, но являющіяся плодомъ одного и того же человѣческаго общества въ его послѣдовательномъ развитіи. Нѣкоторымъ и весьма важнымъ дополненіемъ къ сравнительно-историческому методу является *методъ пережитковъ*

Методъ пережитковъ былъ указанъ выдающимся англійскимъ ученымъ антропологомъ Эдуардомъ Тайлоромъ. Дѣло въ томъ, что въ общественной жизни, въ обычаяхъ, нравахъ, учрежденіяхъ любого народа мы всегда находимъ, часто даже совершенно непонятные, остатки прошлаго, которое когда-то имъ переживалось такъ же полно, какъ переживается имъ настоящее. Такими пережитками прошлаго являются у насъ многіе прежніе порядки быта, напримѣръ: ранняя форма общиннаго землевладѣнія, старинные брачные обряды похищенія женъ, древнее вѣче, дожившее до нашихъ дней въ формѣ общаго схода поселянъ, такъ называемый анимизмъ или душевѣріе, культъ предковъ, обоготвореніе природы и проч. Долгое время эти пережитки,

*) См. напр. М Ковалевскій. Историко-сравнительный методъ. Москва 1881. Его-же. О методологическихъ пріемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учрежденій. Москва, 1878.

которые можно легко найти въ жизни и понятіяхъ каждаго народа, были непонятны тѣмъ, кому ихъ приходилось наблюдать, и принимались учеными, какъ какіе-то несообразности, курьезы. Тайлоръ былъ первый, кто понялъ все ихъ глубокое научное значеніе. Онъ понялъ, что эти пережитки суть тѣ обломки прошлаго, по которымъ можно научно возстановить его картину, какъ по найденнымъ отдѣльнымъ костямъ возстановляютъ ученые цѣлую систему строенія когда-то жившаго, но давно уже несуществующаго, вымершаго вида животнаго. Методъ пережитковъ, указанный Тайлоромъ, пріобрѣлъ широкую извѣстность и въ настоящее время служитъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ научныхъ орудій этнологовъ, антропологовъ, археологовъ, историковъ общественныхъ учрежденій и культуры и даже историковъ сравнительнаго права.

Методъ пережитковъ есть крайне важное дополненіе сравнительно-историческаго метода. Но не менѣе, если не болѣе важнымъ дополненіемъ его долженъ служить другой методъ, который я бы предложилъ назвать *методомъ тенденцій*.

Дѣло въ томъ, что наблюдая общественную жизнь, мы въ различныхъ областяхъ ея явленій очень часто встрѣчаемъ непонятное. Въ нѣкоторомъ числѣ случаевъ это непонятное, какъ только что было указано, объясняется какъ пережитокъ еще неизученнаго нами и неяснаго намъ прошлаго. Однако не всегда то, что непонятно намъ среди явленій текущей жизни, можетъ быть правильно объяснено какъ невыясненный пережитокъ прошлаго. Иногда, какъ разъ наоборотъ, это непонятное представляетъ собой одно изъ зеренъ будущаго, котораго мы еще не въ состояніи предугадать. Если мы всмотримся внимательно въ современную дѣйствительность, мы въ каждой области жизни всегда можемъ замѣтить нѣчто новое, что съ перваго взгляда намъ можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Такъ напримѣръ, въ области экономической жизни, мы наблюдаемъ постепенный ростъ предпріятій, концентрацію производства, явленіе его постепеннаго обобществленія. Нѣчто аналогичное наблюдаемъ мы и въ области жизни политической. Избирательное право всюду становится всеобщимъ, распространяясь не только на всѣхъ мужчинъ, но и на женщинъ, достигшихъ извѣстнаго возраста. Права гражданъ расширяются. Гражданственность начинаетъ проявляться въ непосредственномъ участвованіи избирателей во властвованіи, въ непосредственномъ рѣшеніи политическихъ вопросовъ самими гражданами, путемъ всенародныхъ голосованій. Но это направленіе политическаго развитія обнаруживается далеко

не сразу. И непосредственное участіе гражданъ въ верховной власти долго остается скрытымъ въ нѣдрахъ избирательнаго права, пониманіе котораго продолжаетъ оставаться ограниченнымъ представленіемъ о правѣ голосовать предлагаемаго кандидата, но не его политическую программу и рѣшенія.

Точно также, всматриваясь внимательно и въ область брачной жизни и отношенія половъ, мы видимъ очень часто странныя совершенно непонятныя явленія, на которыя мы смотримъ, какъ на случайныя отклоненія отъ нормы. Такимъ отклоненіемъ считалась, напримѣръ, свободная любовь. Теперь мы знаемъ, что свободная любовь не въ пошломъ, а въ серьезномъ смыслѣ этихъ словъ, есть новая форма брачныхъ отношеній, форма обусловленная опредѣленными условіями современной жизни. Аналогичные примѣры возникновенія новыхъ формъ, кажущихся вначалѣ лишь странными уклоненіями отъ господствующихъ, можно привести и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни. Такъ, напримѣръ, въ области психической жизни говорятъ о такъ называемомъ „безвѣріи будущаго", которое противополагается господству суевѣрій въ прошломъ и вѣрованіямъ господствующимъ до сихъ поръ. Методъ тенденцій даетъ намъ возможность опредѣлять направленія въ развитіи различныхъ сторонъ текущей жизни и въ этомъ отношеніи, подобно методу пережитковъ, можетъ быть названъ необходимѣйшимъ дополненіемъ метода эволюціоннаго, частичный видъ котораго онъ собою представляетъ.

Эволюціоннымъ методомъ широко пользовался Гербертъ Спенсеръ въ своихъ соціологическихъ изслѣдованіяхъ эволюціи общественной организаціи, учрежденій и различныхъ сторонъ общественной жизни людей (вѣрованій, идей, половыхъ отношеній, семейныхъ учрежденій, обрядовыхъ, учрежденій экономическихъ, политическихъ, профессіональныхъ и проч.). Этимъ эволюціоннымъ методомъ пользовались, и притомъ весьма широко, и другіе соціологи, напр. Летурно.

Гербертъ Спенсеръ былъ основоположникомъ цѣлой эволюціонной школы соціологовъ, которые посвящали свои силы изученію самыхъ различныхъ сторонъ соціальной эволюціи. Со временъ Спенсера понятіе соціальной эволюціи пріобрѣло всеобщее признаніе и всѣ стали говорить объ эволюціи хозяйства, объ эволюціи семьи, эволюціи религіи, эволюціи государства и т. д. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ, какъ представляютъ себѣ соціологи эволюціонной школы Спенсера развитіе отдѣльныхъ учрежденій. Но здѣсь необходимо указать на то, какъ они вслѣдъ за Спенсеромъ опредѣляютъ общественную эволюцію.

Они опредѣляютъ ее, какъ постепенное усложненіе общественной жизни, какъ постепенный и послѣдовательный переходъ отъ простого къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному. Это опредѣленіе не вполнѣ правильно и полно. Дѣло въ томъ, что развитіе общественныхъ явленій, равно какъ и всякихъ другихъ, хотя оно и совершается всегда послѣдовательно, далеко не всегда происходитъ постепенно. Въ дѣйствительности все совершается ритмически, въ развитіи всего наблюдаются подъемы и паденія, задержки, толчки и ускоренія. Примѣры—безконечны. Вотъ одинъ наиболѣе обычный. Актъ зарожденія внезапенъ. Онъ происходитъ отъ внезапнаго сліянія элементовъ двухъ разнополыхъ особей, отъ внезапнаго проникновенія живчика въ яйцевую клѣтку. Зародышъ развивается послѣдовательно, но ребенокъ рождается сравнительно внезапно. Мы растемъ и развиваемся постепенно, но смерть опять таки внезапна и т. д. То же самое можно сказать и объ явленіяхъ общественной жизни. Революціи подобны родамъ, землетрясеніямъ, изверженіямъ вулкановъ, паденіямъ лавинъ и потопамъ. Развитіе различныхъ сторонъ соціальной жизни не всегда происходитъ постепенно, иногда оно подобно даже взрывамъ. Подъемы и паденія суть самыя обычныя явленія соціальнаго процесса. Поэтому опредѣленіе его, данное школою эволюціонистовъ, далеко не удовлетворительно и очевидно ихъ эволюціонный методъ тоже не вполнѣ удовлетворителенъ.

Марксъ и Энгельсъ, воспитанные на гегеліанской діалектикѣ, предложили особый—діалектическій—методъ изученія явленій въ ихъ развитіи. Они предложили этотъ методъ для изученія соціальнаго процесса, который, по ихъ мнѣнію, подобно діалектическому процессу мышленія совершается, идя отъ положенія къ противоположенію, отъ противоположности къ противоположности, въ видѣ революціонной смѣны крайностей. Такъ въ развитіи экономической жизни мы видимъ смѣну самыхъ противоположныхъ формъ труда: единоличнаго и коллективнаго, свободнаго и рабскаго, крѣпостного и наемнаго и проч. Въ развитіи имущественныхъ отношеній—смѣну самыхъ противоположныхъ системъ и формъ собственности. Въ развитіи строя общества мы наблюдаемъ смѣну различныхъ видовъ разслоенія общества на классы и смѣну самыхъ различныхъ формъ классоваго господства. Политическая жизнь тоже даетъ примѣры смѣны однѣхъ политическихъ формъ совершенно другими, часто прямо противоположными имъ по своему характеру. Діалектическій методъ очевидно является необходимою поправкой къ методу эволюціонистовъ.

На-ряду съ другими способами выясненія явленій общест-

венной жизни соціологами біологическаго направленія былъ предложенъ еще одинъ методъ, который получилъ названіе метода аналогическаго. Такъ называемый аналогическій методъ есть методъ уподобительный. Онъ заключается въ уподобленіи человѣческаго общества животному организму, уподобленіи личности отдѣльной клѣткѣ этого животнаго организма, уподобленіи общественнаго раздѣленія труда физіологическому раздѣленію труда между отдѣльными органами и клѣтками животнаго организма и т. д. Этимъ методомъ болѣе чѣмъ широко, пользовались и Гербертъ Спенсеръ и Шеффле, и Лиліенфельдъ, и Вормсъ, и Дюргеймъ и многіе другіе извѣстные соціологи. Этотъ уподобительный методъ есть извѣстный способъ краткаго уясненія соціальныхъ явленій съ помощью наглядныхъ образовъ и картинныхъ представленій, взятыхъ изъ жизни животнаго организма. Этотъ способъ практиковался еще въ древности. Стоитъ вспомнить сравненіе Менения Агриппы римскаго народа съ человѣческимъ организмомъ, а отдѣльныхъ сословій съ отдѣльными органами этого организма. Всякому должно быть ясно, что если подобныя сравненія и имѣютъ нѣкоторое практическое значеніе для того, чтобы нагляднѣе представить свою мысль, все же настоящаго научнаго значенія они не имѣютъ вовсе. Аналогія не тожество и сравненіе общества съ организмомъ, а общественной жизни съ жизнью организма совершенно произвольно. Это уже извѣстно давно. Вотъ почему такъ называемый аналогическій методъ давно уже оставленъ всѣми тѣми, кто относится достаточно серьезно и вдумчиво къ соціологической работѣ.

Настоящій методъ соціологической работы есть методъ не аналогическій, а аналитическій. Аналитическимъ научнымъ методомъ пользовался, и притомъ весьма широко, еще Аристотель. И ему принадлежитъ и первое опредѣленіе аналитическаго метода. Въ самомъ началѣ Политики Аристотель опредѣляетъ свой аналитическій методъ такъ: „Сложное всегда надо разлагать на его составные элементы или наименьшія части цѣлаго“. Руководясь этимъ научнымъ правиломъ, Аристотель изслѣдовалъ современную ему общественную жизнь. Онъ бралъ ее такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ, стараясь не вносить въ пониманіе ея никакихъ предвзятыхъ мнѣній. Онъ старался разлагать ее на ея простѣйшія явленія. Онъ старался научно наблюдать и изучать каждое явленіе въ отдѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ не терять изъ виду той связи, которая существуетъ между отдѣльными сторонами и явленіями жизни. Въ своихъ выводахъ онъ старался основываться всегда на прочныхъ данныхъ. Въ этомъ отношеніи Аристотель

по своему научному духу очень близокъ современной наукѣ. Мы имѣемъ право дѣлать лишь такіе выводы, о которыхъ намъ говорятъ факты какъ бы сами собой. И самое большее, что мы можемъ дѣлать въ этомъ отношеніи, это дѣлать выводы, которые вытекаютъ изъ научнаго изученія дальнѣйшаго процесса жизни и основываются на фактахъ, свидѣтельствующихъ о тенденціяхъ ея дальнѣйшаго развитія. Дальше этихъ выводовъ, основанныхъ на фактахъ наблюдаемой дѣйствительности и на фактахъ ея дальнѣйшаго развитія, мы итти не можемъ въ своихъ научныхъ утвержденіяхъ. Таково основное правило того научнаго реализма, который намъ завѣщанъ классическимъ основателемъ обществовѣдѣнія.

Научный реализмъ имѣетъ своей основой самое внимательное и осторожное отношеніе къ изучаемой дѣйствительности, въ пониманіе которой не должно вноситься никакихъ „абсолютныхъ истинъ“, никакихъ безусловныхъ догмъ. Научный реализмъ есть то научное направленіе, которое порождается неутолимой жаждой знанія и вытекаетъ непосредственно изъ свободнаго исканія истины, изъ всесильнаго желанія знать ее во всей ея неприкрытой наготѣ. Научный реализмъ есть то направленіе ума, которое обусловливается логическимъ ходомъ свободной научной мысли. Оно не останавливается въ своихъ выводахъ, логически вытекающихъ изъ фактовъ, ни передъ какими общепризнанными положеніями. Оно стремится понять дѣйствительность, какова она есть на самомъ дѣлѣ, и не останавливается ни передъ чѣмъ въ своемъ страстномъ стремленіи обладать истиной во что бы то ни стало. Къ сожалѣнію достиженіе истины въ пониманіи явленій общественной жизни дается часто очень трудно. Сложность соціальныхъ явленій часто не даетъ никакой возможности сдѣлать общій выводъ на основаніи отдѣльныхъ частныхъ наблюдаемыхъ нами случаевъ. Многія явленія общественной жизни часто кажутся намъ обусловленными чисто случайными причинами.

Развѣ можно, говорятъ иные, сдѣлать какой-нибудь общій выводъ, на основаніи случайныхъ поступковъ людей, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ, какъ ему нравится, слѣдуя въ своей жизни своей свободной волѣ. Думающіе такъ, конечно, могутъ сомнѣваться въ приложимости индуктивно-дедуктивнаго метода въ области соціологіи.

Къ счастью, существуетъ еще одинъ научный методъ; онъ какъ разъ и прилагается къ изслѣдованію тѣхъ явленій, которыя нами называются случайными. Я имѣю въ виду методъ стати-

стическій, основанный на массовомъ наблюденіи большого числа такъ называемыхъ „случайныхъ“ фактовъ, для которыхъ оказывается вполнѣ возможно вывести тотъ или другой эмпирическій законъ на основаніи такъ называемой теоріи вѣроятностей и притомъ почти съ математической точностью.

Дѣло въ томъ, что то, что мы привыкли называть случайностями, въ дѣйствительности, суть вовсе не случайности, а вполнѣ закономѣрныя явленія, строго вытекающія изъ опредѣленныхъ фактовъ, вполнѣ обусловленныхъ обстоятельствами времени и мѣста. Вотъ примѣръ. Мы беремъ монету и ее бросаемъ, желая знать, что выпадетъ: рѣшетка или орелъ. Мы говоримъ, что выпадетъ или рѣшетка, или выпадетъ орелъ, все въ данномъ случаѣ цѣликомъ зависитъ отъ случайности.

Допустимъ — выпадетъ орелъ. Мы бросаемъ снова, желая снова испытать случайность. Выпадаетъ снова рѣшетка или орелъ. Мы снова повторяемъ опытъ и т. д. Но какъ только мы начнемъ бросать монету не разъ и не два, а значительное число разъ, то мы сейчасъ-же станемъ замѣчать, что рѣшетка начинаетъ выпадать въ опредѣленномъ числѣ случаевъ подбрасыванія данной монеты и обыкновенно въ столь-же опредѣленномъ числѣ случаевъ выпадетъ и орелъ. И чѣмъ больше дѣлается число опытовъ, тѣмъ точнѣе опредѣляется число случаевъ, въ которыхъ выпадаетъ монета той или другой стороной. И если только монета правильно устроена, то всегда оказывается, что въ половинѣ случаевъ выпадаетъ орелъ, и въ половинѣ-же случаевъ рѣшетка, потому что центръ тяжести монеты находится какъ разъ посрединѣ отъ ея поверхностей. А это и есть настоящая причина того, что она имѣетъ равную возможность выпасть рѣшеткой или орломъ. Правда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, кромѣ этой постоянной причины или неизмѣняющагося обстоятельства, дѣйствуютъ еще причины и случайныя, напр., положеніе монеты въ рукѣ, то или другое движеніе руки, подбрасывающей монету, неровность пола, о который она ударяется при паденіи. Но эти случайныя причины мѣняются въ каждомъ новомъ случаѣ, и если въ одномъ случаѣ положеніе монеты въ рукѣ бываетъ таково, что она будетъ предрасположена при подбрасываніи выпасть рѣшеткой, то въ слѣдующемъ случаѣ ея положеніе въ рукѣ, по всей вѣроятности, окажется какъ разъ обратнымъ и это будетъ способствовать тому, что монета выпадетъ орломъ. То-же самое касается и движенія руки и неровности пола и другихъ постоянно мѣняющихся условій производимаго опыта. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти мѣняющіяся условія, конечно, дѣйствуютъ

во всю и опредѣляютъ собой результатъ. Такимъ образомъ и въ любомъ отдѣльномъ случаѣ мы не имѣемъ права видѣть случайности, хотя намъ и очень трудно, если не невозможно вовсе, предвидѣть результатъ; потому что онъ въ данномъ случаѣ зависитъ отъ множества причинъ, изъ которыхъ многія могутъ оставаться намъ даже неизвѣстными. Но если мы не останавливаемся на одномъ отдѣльномъ случаѣ, а дѣлаемъ нашъ выводъ на основаніи многихъ случаевъ бросанія монеты, то не только мы принуждены разъ навсегда оставить наше представленіе о случайности явленія, но и принуждены бываемъ убѣдиться въ строго опредѣленной ея закономѣрности. Законъ паденія монеты въ каждомъ значительномъ числѣ случаевъ ея подбрасыванія становится намъ совершенно ясенъ. Правильно устроенная монета, съ центромъ тяжести проходящимъ какъ разъ посрединѣ между ея двумя поверхностями, изображающими рѣшетку и орелъ, въ общемъ всегда будетъ выпадать въ половинѣ случаевъ рѣшеткой и въ половинѣ случаевъ орломъ. А монета неправильно отлитая, т.-е. такая, центръ тяжести которой будетъ находиться ближе къ какой-нибудь одной изъ ея поверхностей, будетъ выпадать чаще именно этой поверхностью, и число этихъ случаевъ будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ степенью приближенія центра тяжести монеты къ той ея поверхности, которою она чаще выпадаетъ.

Все это показываетъ, что дѣйствительныхъ случайностей мы нигдѣ не наблюдаемъ и только называемъ этимъ словомъ отдѣльные случаи вполнѣ закономѣрнаго явленія, пока его причины остаются нами неоткрытыми и неразгаданными. Когда же мы до нихъ доходимъ и онѣ нами уясняются, то мы начинаемъ видѣть самую строгую обусловленность и закономѣрность тамъ, гдѣ до этого видѣли лишь одну случайность. Такъ дѣло обстоитъ, когда люди подбрасываютъ монету, желая знать, выпадетъ ли она рѣшеткой или орломъ. И совершенно точно такъ-же дѣло обстоитъ и со всѣми другими ихъ дѣйствіями, которыя въ такой же степени зависятъ отъ ихъ такъ называемой свободной воли. Въ каждомъ отдѣльномъ частномъ случаѣ общественная жизнь людей кажется какою-то случайной игрой свободныхъ воль личностей и случайныхъ обстоятельствъ. Но стоитъ только взять не одинъ, а нѣсколько однородныхъ случаевъ изъ той же самой жизни, какъ наше представленіе о ней совершенно измѣняется. Тотъ фактъ, что мы опустили сегодня въ почтовый ящикъ письмо безъ адреса, кажется намъ полной случайностью, когда мы разсматриваемъ этотъ фактъ особо. Хотя

сознаніе, что этотъ фактъ совершился совершенно независимо даже отъ нашей свободной воли, долженъ былъ-бы, казалось, привести насъ къ мысли,что были вполнѣ опредѣленныя причины, которыми онъ обусловленъ. Но если отдѣльный фактъ и не наводитъ насъ на эту мысль, то тѣмъ не менѣе она возникаетъ у насъ сама собой, когда мы узнаемъ, что каждый день строго опредѣленное число людей забываетъ написать адресъ на посылаемомъ письмѣ. То же самое можно сказать о необходимости что-либо заложить въ ломбардѣ, по случаю неимѣнія нужныхъ денегъ. И этотъ фактъ намъ часто представляется случайной необходимостью. Но если взять большія числа, даваемыя практикой ломбардовъ, то оказывается, что цыфры эти находятся въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ вполнѣ опредѣленными причинами экономическаго характера. И колеблются съ удивительной правильностью. То же самое можно сказать и о преступленіяхъ, которыя тоже во всѣхъ случаяхъ являются явленіями строго обусловленными. То же самое относится и къ явленіямъ самоубійствъ, цыфры которыхъ, подобно цыфрамъ преступленій, повторяются изъ года въ годъ, причемъ даже употребленіе различныхъ способовъ преступленій, убійствъ и самоубійствъ оказывается болѣе или менѣе постояннымъ и носитъ характеръ явленія вполнѣ закономѣрнаго.

Массовыя статистическія наблюденія очень убѣдительно показываютъ, что дѣйствіе непостоянныхъ, перемѣнныхъ, такъ называемыхъ случайныхъ причинъ или обстоятельствъ взаимно обезсиливается, погашается въ общей массѣ однородныхъ явленій и одновременно обнаруживаютъ свою силу причины постоянныя, обусловливающія данное явленіе во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Сказать иначе: изслѣдованіе однородныхъ явленій, взятыхъ не въ отдѣльности, а въ массѣ, показываетъ хорошо, какъ уравновѣшиваются и взаимно погашаются результаты дѣйствія перемѣнныхъ условій даннаго явленія и какъ, наоборотъ, усиливаются путемъ сложенія результаты дѣйствія условій постоянныхъ, могущихъ вполнѣ быть названными дѣйствительными причинами даннаго явленія.

Методъ, который позволяетъ намъ открывать эти дѣйствительныя причины самыхъ разнообразныхъ явленій общественной жизни людей, несмотря на всю ея сложность и многообразность и есть тотъ методъ, который мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать методомъ статистико-соціологическимъ. Методъ этотъ основывается на наблюденіи не отдѣльныхъ случаевъ, а на массовомъ наблюденіи цѣлаго ряда однородныхъ случаевъ.

Выше уже приводились слова Адольфа Кетле о томъ, что жизнь человѣческая находится подъ вліяніемъ причинъ, большая часть которыхъ дѣйствуетъ постоянно или періодично и во всякомъ случаѣ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ. „Послѣдовательнымъ изученіемъ", говорилъ Кетле, „можно опредѣлить эти причины и формы ихъ дѣйствія или тѣ законы, которые онѣ создаютъ. Но чтобы достигнуть этого, необходимо", говоритъ Кетле, «*исключить изъ наблюденій все случайное и индивидуальное*». Это какъ разъ и достигается методомъ не единичнаго, а *массоваго* наблюденія, путемъ опредѣленія среднихъ величинъ, выведенныхъ изъ большого числа наблюденій.

Научный анализъ, сопоставленіе сравненіе и группировка множества наблюдаемыхъ повторяющихся фактовъ даютъ возможность сводить и систематизировать ихъ въ цѣлые ряды или группы фактовъ, связанныхъ другъ съ другомъ опредѣленными сводными признаками. При этомъ изученіи не единичныхъ, а цѣлыхъ группъ однородныхъ фактовъ въ постоянномъ повтореніи ихъ неизбѣжно обнаруживается извѣстная правильность и закономѣрность и проявляется тотъ *законъ большихъ чиселъ*, который лежитъ въ основѣ теоріи вѣроятностей. На это въ свое время указывалъ еще Лапласъ, сопоставлявшій повторяемость съ вѣроятностью и критиковавшій понятіе „случая".

Само собой понятно, что чѣмъ большее число однородныхъ случаевъ обнимается даннымъ массовымъ наблюденіемъ, тѣмъ вѣрнѣе можемъ мы судить о постоянныхъ ихъ причинахъ, и тѣмъ съ большей точностью могутъ дѣлаться наши выводы относительно закономѣрности даннаго явленія. Это соображеніе касается не только явленій происшедшихъ и происходящихъ, но даже и такихъ, которыя только могутъ еще или должны случиться въ будущемъ.

Каждое страховое общество въ настоящее время строитъ всѣ свои расчеты на основаніи возможно болѣе точныхъ статистическихъ данныхъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и предположеніяхъ основывается на теоріи вѣроятностей. Безъ подобныхъ расчетовъ ни одно страховое учрежденіе не въ состояніи успѣшно дѣйствовать и прочно существовать. То-же слѣдуетъ сказать и о дѣятельности правительствъ, какъ органовъ центральной власти, такъ и мѣстнаго самоуправленія. Безъ точныхъ статистическихъ данныхъ и теоріи вѣроятностей ихъ дѣятельность могла бы оказаться полна самыхъ гибельныхъ ошибокъ и сдѣлалась бы рискованной. Потому что правительственная дѣятельность должна быть всегда сообразована съ дѣйствительнымъ ходомъ общественной

жизни и съ дѣйствительными общественными потребностями людей, а единственное средство—болѣе или менѣе точно усчитать и выяснить то и другое—дается лишь статистическимъ методомъ.

Въ настоящее время то огромное научное значеніе, какое имѣетъ статистическій методъ массоваго наблюденія явленій, какъ орудіе научнаго изслѣдованія, понято очень хорошо представителями самыхъ разнообразныхъ областей знанія и научныхъ дисциплинъ. Статистическимъ методомъ, какъ весьма дѣйствительнымъ и плодотворнымъ орудіемъ научнаго изслѣдованія, пользуются одинаково, какъ астрономы, такъ и ботаники и зоологи. И даже сравнительное языкознаніе и исторія въ наши дни начинаютъ разрабатываться съ помощью статистическихъ пріемовъ изслѣдованія. Если всякая наука есть наука объ опредѣленныхъ естественныхъ явленіяхъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ повторенія и соотношенія, то значеніе статистическаго метода, какъ научнаго орудія, для любой науки становится само собой понятнымъ и очевиднымъ. Но для выясненія происходящихъ явленій общественной жизни статистическій методъ имѣетъ совершенно особое и исключительно важное значеніе; только онъ одинъ открываетъ намъ возможность дѣйствительно разбираться во всей сложности массовыхъ явленій общественной жизни людей. Одинъ только статистическій методъ даетъ намъ возможность вывести за скобки и игнорировать взаимно-погашающіяся случайныя причины и усчитать и выяснить причины, дѣйствующія правильно и одинаково во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ и дѣлающія послѣдніе явленіями вполнѣ закономѣрными.

Статистическій методъ является прекраснымъ научнымъ средствомъ для изученія самыхъ различныхъ соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія ихъ повторяемости. Для установленія ихъ закономѣрности статистическій методъ имѣетъ первостепенное значеніе. Правда, указывая на повторяемость явленій общественной жизни и на закономѣрность ея явленій, статистическій методъ самъ по себѣ не даетъ объясненія ихъ. Послѣднее дается чисто соціологическими соображеніями, которыя основываются на прочныхъ соціологическихъ данныхъ и должны служить основою индукціи, или наведенія. Эти соціологическія соображенія и даютъ возможность дѣлать соціологическіе выводы и при пользованіи статистическимъ методомъ. Статистическій методъ въ приложеніи къ изслѣдованію явленій соціальной жизни естественно превращается въ методъ *статистико-соціологическій*. Статистическій методъ устанавливаетъ повторяемость явленій, а причины этой

повторяемости намъ приходится отыскивать другимъ путемъ, подобно тому какъ посредствомъ статистическаго метода устанавливаются опредѣленныя числа выпаденія рѣшетки и орла, но объясненіе причинъ этого явленія дается чисто физическими соображеніями о строеніи монеты и приближеніи центра ея тяжести къ той или другой ея поверхности.

Такимъ статистико - соціологическимъ методомъ служитъ между прочимъ и методъ сопутствующихъ измѣненій, соединенный съ статистическимъ методомъ. Статистическій методъ, основанный на массовыхъ наблюденіяхъ явленій, производимыхъ опредѣленными постоянно или періодически дѣйствующими причинами, дѣйствующими опредѣленнымъ образомъ, даетъ точное указаніе на нихъ. Но если такихъ причинъ, которыя могутъ быть признаны причиной даннаго явленія, не одна, а нѣсколько, то обычный статистическій методъ самъ по себѣ не указываетъ намъ, какая изъ этихъ причинъ является настоящей причиной даннаго явленія. Съ помощью статистическаго метода мы можемъ лишь открыть, что то или другое явленіе совершается закономѣрно. Но самую причину его закономѣрности статистическій методъ намъ не открываетъ. Открыть ее мы можемъ либо съ помощью метода различій, метода сопутствующихъ измѣненій, либо съ помощью такъ называемаго статистическаго опыта.

Джонъ Стюартъ Милль, авторъ „Системы логики“, выражалъ основное правило метода различій слѣдующимъ образомъ: „Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе встрѣчается, и случай, въ которомъ оно не встрѣчается, одинаковы во всѣхъ, обстоятельствахъ, кромѣ одного, и это одно встрѣчается только въ первомъ случаѣ, то это единственное обстоятельство, въ которомъ различаются данные два случая, составляетъ (слѣдствіе или) причину или необходимую часть причины явленія“. Такъ, напримѣръ, если мы въ двухъ случаяхъ завариваемъ чай въ водѣ одинаковаго состава и одинаковой температуры въ обоихъ случаяхъ, то очевидно, что различная крѣпость его имѣетъ своей единственной причиной количество завариваемаго чая. Если-же и составъ воды и ея температура въ различныхъ случаяхъ заваривания чая неодинаковы, то и различная крѣпость завариваемаго чая будетъ зависѣть не только отъ различныхъ количествъ завариваемаго чая, но и отъ различнаго состава воды и отъ различной ея температуры, т. е. различное количество завариваемаго чая служитъ не единственною и ни въ какомъ случаѣ не всею, а лишь частью причины степени его крѣпости.

То же самое можно сказать и объ изслѣдованіи соціальныхъ

явленій на основаніи метода различій. Допустимъ, что мы изслѣдуемъ зависимость преступленій отъ экономическихъ причинъ по методу различій. Если мы изслѣдуемъ эту зависимость въ двухъ различныхъ случаяхъ, единственное различіе между которыми заключается въ различной степени дѣйствія экономическихъ причинъ, то само собой разумѣется, что единственной причиной различнаго числа преступленій, въ томъ и другомъ случаѣ, служитъ различіе экономическихъ побужденій къ преступленію Но если имѣются на-лицо и другіе мотивы преступленій, напримѣръ, побужденія половыя, религіозныя, политическія или еще какія-нибудь иныя, то, конечно, экономическія побужденія смогутъ быть признаны лишь частью причины, обуславливающей различное число преступленій въ различныхъ случаяхъ.

Разобраться въ томъ, какая именно изъ нѣсколькихъ различныхъ причинъ является главнѣйшей причиною даннаго явленія при данныхъ обстоятельствахъ, даетъ намъ методъ сопутствующихъ измѣненій.

Методъ сопутствующихъ измѣненій обыкновенно формулируется такъ: всякое явленіе, которое какимъ-либо образомъ видоизмѣняется всякій разъ, какъ другое явленіе видоизмѣняется нѣкоторымъ особеннымъ образомъ, составляетъ либо причину, либо слѣдствіе этого явленія, или связано съ нимъ какой нибудь общей причиной. Напримѣръ, мы постоянно наблюдаемъ, что количество преступленій всегда растетъ съ ростомъ соціальнаго неравенства и обратно, уменьшается пропорціонально возстановленію равенства между отдѣльными членами общества. Ростъ соціальнаго неравенства всегда и неизмѣнно сопутствуется ростомъ числа преступленій. Это обстоятельство даетъ намъ полное право говорить, что соціальное неравенство, собственно говоря, и есть настоящая причина или важнѣйшее условіе совершенія преступленій. Но употреблять методъ сопутствующихъ измѣненій слѣдуетъ всегда съ большой осторожностью. Выясняя настоящую причину того или другого явленія по методу сопутствующихъ измѣненій, слѣдуетъ всегда помнить, что „вмѣстѣ не значитъ потому что“. Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду возможности существованія двухъ или нѣсколькихъ параллельныхъ явленій, которыя не находятся другъ къ другу ни въ какой причинной зависимости и обусловливаются одновременно и параллельно какою-нибудь третьею причиной, дѣйствующей одновременно на каждое изъ нихъ. Однимъ изъ способовъ провѣрки правильнаго пользованія методомъ сопутствующихъ измѣненій, можетъ слу-

жить такъ называемый *методъ остатковъ*, который даетъ намъ возможность нѣсколько упростить изслѣдованіе сложныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что сложныя явленія, которыя обусловливаются дѣйствіемъ не одной, а нѣсколькихъ причинъ, суть явленія, которыя можно упростить, выдѣливъ слѣдствія всѣхъ тѣхъ причинъ, дѣйствія которыхъ намъ удалось раскрыть и выяснить какимъ бы то ни было способомъ. Выдѣливъ изъ изслѣдуемаго явленія эти причины и ихъ слѣдствія, мы можемъ приступить къ упрощенному способу изслѣдованія остающейся части явленія.

По этому методу остатковъ было выяснено уже немалое число явленій и даже были совершаемы открытія (напримѣръ, открытіе планеты Нептунъ Адамсомъ и Леверрье, на основаніи, необъяснимыхъ никакими извѣстными причинами, возмущеній въ движеніяхъ планеты Уранъ).

Методъ остатковъ, подобно методу различій и сопутствующихъ измѣненій, одинаково приложимъ и при изслѣдованіяхъ явленій общественной жизни. Такъ называемый статистическій опытъ показываетъ это очень хорошо. *Статистическій опытъ* есть особый пріемъ статистическаго изслѣдованія соціальныхъ явленій. Пользуясь имъ изслѣдователь отбираетъ и слагаетъ въ отдѣльныя группы „такіе случаи изслѣдуемаго явленія, которые сходны между собой по извѣстной совокупности основныхъ признаковъ, и въ предѣлахъ такой отобранной группы..." сравниваетъ между собой „подгруппы случаевъ, различающіяся между собой потому признаку, вліяніе котораго подлежитъ изслѣдованію" *). Пользованіе этимъ методомъ облегчается посредствомъ составленія особыхъ комбинаціонныхъ таблицъ, на которыя наносятся всѣ изслѣдуемыя явленія вмѣстѣ съ важнѣйшими ихъ условіями, или обусловливающими ихъ причинами, или такъ называемыми признаками. Сущность статистическаго опыта заключается въ надлежащемъ анализѣ подобныхъ комбинаціонныхъ таблицъ, составляемыхъ всегда сообразно съ намѣченными цѣлями даннаго изслѣдованія. Проф. А. А. Кауфманъ опредѣляетъ сущность этого статистическаго опыта слѣдующимъ образомъ: „надо взять тѣ группы, которыя въ предѣлахъ проведеннаго въ таблицѣ разчлененія, *различаются только въ одномъ признакѣ* — томъ, вліяніе котораго мы желаемъ изучить, и одинаковы по всѣмъ остальнымъ признакамъ, положеннымъ въ основу комбинаціонной группировки, и выяснить зависимость характеризующихъ отобранныя группы признаковъ или функцій отъ измѣненій подвергаемаго

*) А. А. Кауфманъ. Теоріи и методы статистики. 3 изд. М. 1916, стр. 457.

изученію фактора" *). Конечно, этотъ такъ называемый „статистическій опытъ" или „статистическій экспериментъ", имѣетъ мало общаго съ опытомъ естествоиспытателей. Однако комбинаціонная таблица даетъ возможность изучать данное явленіе, происходящее различнымъ образомъ и приводящее къ различнымъ результатамъ при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, кромѣ одного, и позволяетъ изслѣдовать вліяніе послѣдняго, подобно тому, какъ это дѣлается естествоиспытателемъ, ставящимъ свои опыты при имъ самимъ созданной обстановкѣ, вполнѣ обезпечивающей ихъ успѣшность. Въ этомъ отношеніи соціологъ, конечно, находится въ иномъ положеніи, чѣмъ естествоиспытатель. Впрочемъ, поскольку дѣло касается изученія человѣка, область возможныхъ опытовъ естествоиспытателя тоже оказывается весьма ограниченной. А съ другой стороны, соціологъ и въ настоящее время имѣетъ полную возможность пользоваться данными различныхъ соціальныхъ экспериментовъ, производимыхъ центральною и мѣстною общественною властью надъ самыми различными сторонами жизни массъ населенія. И, поскольку подобные опыты производятся на основаніи опредѣленныхъ научныхъ данныхъ и при соотвѣтствующихъ условіяхъ, опыты эти безспорно имѣютъ извѣстное соціологическое значеніе и могутъ служить нѣкоторымъ суррогатомъ дѣйствительныхъ соціологическихъ опытовъ, для которыхъ не пришло еще время. Оно можетъ притти, но не раньше, чѣмъ общество согражданъ достаточно демократизуется и получитъ возможность само управлять своей общественной жизнью. Тогда по всей вѣроятности не окажется непреодолимыхъ препятствій строить общественную жизнь на вполнѣ научныхъ основаніяхъ и пользоваться соціологическимъ опытомъ въ интересахъ огромнаго большинства людей.

Въ настоящее же время главнѣйшимъ способомъ выясненія закономѣрности различныхъ явленій общественной жизни долженъ служить тотъ статистико-соціологическій методъ, который представляетъ собой сочетаніе статистическаго метода съ методомъ сопутствующихъ измѣненій и аналитическимъ методомъ соціологіи, а также методъ сравнительно-эволюціонный.

Таковы, въ краткихъ словахъ, тѣ пріемы и способы научной работы и изслѣдованія общественной жизни, таковы тѣ научные методы, съ помощью которыхъ соціологія пытается разрѣшить стоящія передъ ней задачи—установить закономѣрность общественной жизни во всемъ безконечномъ многообразіи ея явленій.

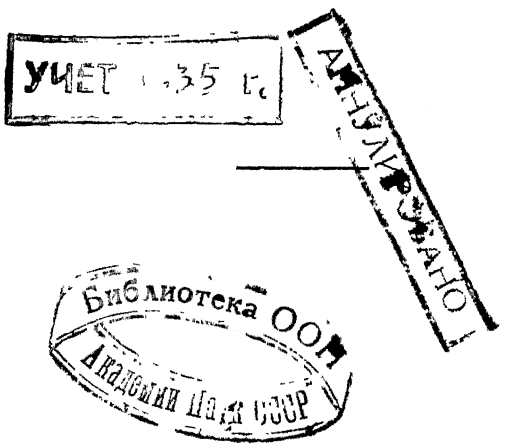
---

*) А. А. Кауфманъ—тамъ же, стр. 458.

Эта задача естественно распадается на двѣ части, соотвѣтствующія двумъ основнымъ главнѣйшимъ отдѣламъ соціологіи:

Первая задача состоитъ въ томъ, чтобы съ помощью аналитическаго метода разложить общественную жизнь на ея *простѣйшія явленія* и составные *элементы* и изучить ихъ, каждое въ отдѣльности, ни на мгновеніе не упуская изъ виду той естественной и неразрывной связи, которая существуетъ между этими явленіями одной и той же жизни, обусловленной ихъ необходимыми соотношеніями. 2-ая задача: изучить и установить эти *необходимыя соотношенія*, которыя обуславливаютъ собой закономѣрность общественной жизни.

Такимъ образомъ, задача соціологіи въ общемъ сводится въ концѣ концовъ къ тому, чтобы *изучать общественную жизнь и выяснять ея закономѣрность* наиболѣе совершеннымъ образомъ, беря общественную жизнь такою, какова она на самомъ дѣлѣ есть въ ея цѣломъ, въ неразрывной связи и цѣлостномъ соотношеніи ея многообразныхъ явленій и сторонъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ*
1	1 сверху	Наука извѣстная подъ именемъ соціологіи	Наука, извѣстная подъ именемъ соціологіи,
3	9 сверху	закономѣрность	закономѣрности
5	12 снизу	свою „Политику,	свою Политику,
„	11 „	формъ“.	формъ.
13	11 сверху	опи	опи-
39	4 снизу	происходящія, первичное	происходящія и, что первичное
53	8 сверху	онѣ	они
55	3 снизу	настоящее	главное
57	6-7 снизу	Каждый изъ этихъ общественныхъ типовъ историческихъ людей	Каждый изъ этихъ историческихъ общественныхъ типовъ людей
64	2 снизу	сравнительно-аналитическимъ,	аналитическимъ,
78	12 сверху	обусла-	обусло-